
События

Стенограмма пленарного заседания XV Международной научно-практической конференции «Психология образования: лучшие практики работы с детством»

Г.В. Семья

Сегодня мы приступаем к пленарному заседанию, подведению итогов нашей XV Международной научно-практической конференции «Психология и образование: лучшие практики работы с детством». Но прежде чем мы начнем, я хочу вас поздравить с двумя праздниками. Я пойду в обратной последовательности. Хочу поздравить вас всех с Днем психолога. Я подозреваю, что у нас в зале много психологов. Поднимите руки, кто психолог или имеет отношение к психологии. Вас тут процентов 60. Замечательно! Тогда еще раз вас с вашим профессиональным праздником. Я считаю, что благодаря психологам жизнь всех остальных людей становится намного лучше. И вторая дата, которая была два дня тому назад? — мы отмечали тридцатилетие Международной конференции о правах ребенка. Я очень рада, что мы проводим наше мероприятие на фоне таких двух больших и значимых событий.

Теперь мы с вами непосредственно приступаем к самому пленарному заседанию. Заявленный модератор и идеолог, который возглавил это движение, связанное с практиками с доказанной эффективностью, Рубцов Виталий Владимирович, присоединится к нам попозже. Он приносит свои извинения в связи с этим. Всегда бывают неотложные обстоятельства.

Мы начинаем с приветствий, которые мы получили. Вы понимаете, что очень сложно в Москве сделать так, чтобы все пришли. Многие из тех, кто говорил, что точно будут, не пришли. Поэтому мы получили в наш адрес приветствия. Я приглашаю Марголиса Аркадия Ароновича зачитать приветствие, которое мы получили от Голиковой Татьяны Алексеевны, заместителя Председателя Правительства Российской Федерации. Что для нас еще более важно, она возглавляет Координационный совет при Правительстве РФ по реализации Десятилетия детства. Мы проводим эту конференцию в том числе в связи с выполнением 129 пункта плана по реализации национальной стратегии. Пожалуйста, Аркадий Аронович.

А.А. Марголис

Добрый день уважаемые коллеги. Позвольте мне зачитать приветственный адрес, который подписан Татьяной Алексеевной Голиковой.

«Уважаемые коллеги! Приветствую вас на XV международной научно-практической конференции «Психология и образование: лучшие практики работы с детством».

Сфера образовательных и социальных услуг для детей и их семей сегодня насыщена большим количеством как традиционных, так и инновационных практик, но, к сожалению, система определения результативности и целесообразности их применения в настоящее время развита слабо. Наука и практика во многих сферах детства существуют раздельно. Планом основных мероприятий, реализуемых в рамках Десятилетия детства, предусмотрено создание Реестра лучших практик работы с детством на основе выработанных единых критериев оценки. Важным условием при формировании такого реестра должен стать доказательный подход, который позволит независимым образом оценить эффективность реализации программ, услуг и технологий.

Сегодняшняя конференция является знаковой. Перед вами поставлена непростая задача — выявить и оценить российские и международные социальные и образовательные практики, ведомственные модели работы в сфере детства, которые гарантированно приведут к запланированному результату. Это позволит обеспечить в самом ближайшем будущем их тиражирование на всей территории нашей страны.

Уверена, что совместными усилиями нам удастся создать все условия для повышения качества жизни детей и их родителей. Желаю вам плодотворной работы, успехов и всего наилучшего. Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Татьяна Алексеевна Голикова».

Г.В. Семья

Теперь я предоставляю слово Алехиной Светлане Владимировне, проректору Московского государственного психолого-педагогического университета, для того чтобы представить то приветствие, которое мы получили от министра образования.

С.В. Алехина

Спасибо большое. «Организаторам и участникам XV Международной научно-практической конференции «Психология и образование: лучшие практики работы с детством». Уважаемые коллеги. От имени Министерства просвещения РФ приветствую организаторов и участников XV Международной научно-практической конференции «Психология и образование: лучшие практики работы с детством».

Все чаще, говоря о детстве, мы отмечаем, что это не только пора беззаботности и радостных открытий, но и период, когда ребенок наиболее уязвим. От того, как старшее поколение будет отвечать на актуальные проблемы развития детей, зависит наше будущее, общественное развитие, формирование культуры безопасного и ответственного поведения каждого из нас. Особое место в системе образования занимает педагог-психолог, который обеспечивает психологическую безопасность детей и подростков, предотвращает внештатные ситуации, нейтрализует воздействие на ребенка различных негативных факторов.

Важно, что направления конференции затрагивают разные аспекты проблематики современного детства. Задан вектор на межведомственный и междисциплинарный подходы, формирование профессиональных компетенций педагогических работников, роль психолого-педагогического сопровождения в сфере образования. Желаю плодотворной творческой работы и продуктивного профессионального взаимодействия в решении актуальных задач поддержки детства. Министр Ольга Юрьевна Васильева».

Г.В. Семья

Спасибо большое. А теперь от приветствий мы переходим к приветственным словам. А приветственные слова мы ждем от основных исполнителей, которые записаны в плане реализации Десятилетия детства по пункту создания реестра лучших практик, выявленных в ходе Десятилетия детства. Поэтому первое слово я предоставляю представителю Агентства стратегических инициатив Ивановой Надежде Анатольевне, заместителю руководителя департамента.

Н.А. Иванова

Здравствуйтесь, уважаемые коллеги. От имени Агентства стратегических инициатив я рада вас всех приветствовать сегодня в наших стенах. Для нас это тоже очень важный праздничный день, потому что вся наша работа связана, я не побоюсь этого слова, с психологической деятельностью, несмотря на разнообразные аспекты нашей работы. На самом деле, с первых дней создания Агентства, тема социальной сферы и, в наибольшей степени, сфера детства являлись главным объектом нашего внимания. Социальное направление с 2011 года уделяет очень большое внимание этим вопросам, и, наверное, вы слышаны о наших масштабных проектах, которые реализуются во многих регионах нашей большой страны. Это такой проект, как «Наставник», который у всех на слуху. Я напомню вам такие проекты, как «Система поддержки семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья». Я подчеркиваю, называя этот проект, то, что в конкурсе, который мы провели в этом году, очень многие регионы именно эту тему представили на конкурс. Я хочу напомнить вам такой проект, как «Все вместе в будущее», в рамках которого проводилась работа в детских домах по социализации выпускников. Скажу об эффективности этого проекта. Об этом много говорили и вчера, и сегодня мы будем говорить об эффективности, о качестве социальных услуг. Что такое эффективность? Из 98 выпускников детских домов, которые были в проекте, 98,8% детей успешно получили профессии, женились и растят детей. Это показатель эффективности безусловно. Она измеряется годами. Я недавно листала работу фондов. Посмотрела работу фонда «Дети наши». Он на протяжении всех лет своей работы ведет исследования, наблюдения и фиксирование своих результатов. И это является доказательной практикой. Безусловно, те результаты, которые получены таким образом, не вызывают сомнений. Сегодня

вопрос качества социальных услуг, наверное, один из самых главных наших вопросов. Мы много в эти дни говорили на эту тему, поэтому я не буду углубляться. Я надеюсь, что сегодня вы подведете итоги трехдневной работы. И мне хочется надеяться, что каждый из вас сегодня нашел ответы на свои вопросы и уедет в свой регион не с пустыми руками. Еще раз вам большое спасибо за то, что вы продержались три дня, что вы сегодня с вами и что мы вместе с вами успешно будем подводить итоги. Спасибо большое.

Г.В. Семья

Спасибо, Надежда Анатольевна. Поднимите руки, кто сотрудничал с Агентством стратегических инициатив. Достаточно много рук. У вас у всех достаточно большая перспектива. Надежду Анатольевну все увидели. Теперь будут ее идентифицировать. Теперь я предоставляю слово Гордеевой Марине Владимировне, председателю правления Фонда поддержки детей, находящихся в сложной жизненной ситуации, члену координационного совета при Правительстве РФ по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства. Хочется спросить вначале тех, кто сотрудничал с фондом, поднимите руки. Да, рук много.

М.В. Гордеева

Спасибо большое, Галина Владимировна. Уважаемые участники конференции, организаторы конференции. Конечно, конференция проходит в рамках плана основных мероприятий Десятилетия детства. Лучшие практики работы с детьми и семьями с детьми, безусловно, тот механизм, который и должен работать на решение поставленных задач. Фонд участвует в реализации мероприятий Десятилетия детства, а также в реализации национального проекта «Демография», задачи которых во многом пересекаются, что вполне понятно. Все это определяет основные направления нашей с вами программной деятельности. Так, цель снижения бедности в два раза всего населения направлена, прежде всего, на снижение бедности семей с детьми. Мы же с вами знаем, что 80% всех бедных — именно эта категория населения. Другая цель — повышение рождаемости. Она недостижима без создания условий, которые бы способствовали жизнедеятельности семьи, создания благоприятных условий для семьи и оказания разнообразного набора услуг.

Если говорить о цели увеличения продолжительности жизни, то без сохранения детских жизней этих целей тоже не достичь. Поэтому темы, и большие, и малые, пересекаются. Такие конференции дают нам возможность увидеть свою конкретную нацеленную работу в контексте больших задач, которые решаются сегодня в стране. Ну а психологическая составляющая присутствует практически во всех моментах, касающихся взаимоотношений с темами семей и детей. Фонд в данном случае является агрегатором и выявителем практик в территории и способствует своими механизмами созданию условия для распространения этих практик. Среди наиболее актуальных за последнее время я бы вспомнила тему работы с замещающими семьями. Здесь присутствует включение психологического компонента на всех этапах подготовки и сопровождения. Социальное сопровождение семей обусловлено, как правило, кризисной ситуацией, которая может завершиться разрушением семьи и потерей ребенка для семьи. Здесь не будет преувеличением сказать, что данная технология реально влияет на качество жизни семей и качество жизни сирот. Не менее важна работа с женщинами, имеющими намерение отказаться от новорожденных. Тут без комментариев. Помощь семьям, воспитывающим детей-инвалидов. Здесь и работа с самими семьями, и работа с адаптацией, реабилитацией и абилитацией самих детей-инвалидов. Служба ранней помощи в создании системы работы с детьми от рождения до трех лет сегодня задача всех регионов, и она, так или иначе, продвигается. Сопровождение самостоятельного проживания детей с инвалидностью подразумевает взаимодействие специалистов разных направлений и психологов, безусловно. Сейчас все это очень востребовано, и мы в этом участвуем.

Темы развития ухода за детьми-инвалидами, альтернативные формы коммуникации или же развивающий уход за детьми — темы понятные, но не слишком внедренные. И во многих домах-интернатах системы социальной защиты населения эта работа начинает последовательно из года в год увеличиваться. Медиация для семей и детей в конфликте с законом — это и направление работы, и конкретная методика.

Еще важное направление — направление оказания помощи детям, подвергшимся жестокому обращению. Здесь работа с жертвой должна выстраиваться системным образом, что не достроено. Насильник имеет свою «минуты славы» в виде судебного процесса, а помощь жертве требует

более внимательного отношения. И с насильником тоже должна проводиться социальная реабилитация для снятия агрессии. Это тоже тема, которой мы все с вами занимаемся. Хочу сказать, что без участия психолога нельзя обойтись в любой кризисной ситуации, касающейся семей и детей. Фонд активно использует свои механизмы по отбору, поддержке и продвижению этих практик сегодня, причем на всех этапах: на этапе отбора конкурсного отбора проводится работа по выявлению лучших практик. Это деятельность ресурсных центров, которых сегодня существует 30 в 22 субъектах Российской Федерации, и они заточены на 17 тематических направлений. Мы полагаем продолжать работу дальше, привлекая ваши ресурсы для решения общих задач. Хочу сказать, что только в прошлом году на данных площадках прошли обучение эффективным практикам и новым технологиям более 1000 специалистов с 38 территорий. То есть идет процесс взаимного обмена практиками и знаниями. В практику вошли семинары и стажировки для муниципальных образований, что крайне важно. На уровне муниципалитета, где непосредственно живут семьи с детьми, своя специфика. Требуется особое внимание и выстраивание моделей взаимодействия специалистов, работа команд межведомственных. Все это нами поддерживается, и в этом году мы провели такие семинары, региональные и всероссийские, на базе городов Бронницы, Сызрань, Уфа. Есть и другие площадки, о которых вы тоже знаете. Выставка-форум состоялась в этом году в Калужской области. В числе партнеров были некоммерческие организации, не только как объекты поддержки, а как объекты выявления позитивных практик, их доведения до технологий и передачи заинтересованным специалистам. Причем в данном случае на грантовой основе идет поддержка новых практик и их распространение. Но это обязательно при условии, что некоммерческая организация — автор этой практики является такой ресурсной организацией для данного продвижения. Мы с большим интересом смотрим на программу Агентства стратегических инициатив по выявлению лучших практик на конкурсной основе. Сегодня было доложено, что первый такой конкурс состоялся. Это тоже интересный механизм взаимодействия. В данном случае мы, конечно, всеми своими ресурсами готовы участвовать в продвижении тех результатов, которые Агентство стратегических инициатив считает перспективными и значимыми. Эти площадки наши не первые и не последние, и отрадно видеть, что количество участников прибавляется, а предметность разговора наполняется интересным содержанием. Полагаю, что это залог наших совместных успехов на перспективу. Спасибо.

Г.В. Семья

Спасибо большое, Марина Владимировна. Фонд действительно делает очень большую работу. Мне очень нравится один из заголовков, который был в аналитическом обзоре, — «От социальных практик к системным изменениям на уровне региона». А теперь я с большим удовольствием предоставляю слово представителю другого фонда. Это фонд Елены и Геннадия Тимченко. Слово предоставляется Франк Ксении Геннадьевне, которая является председателем совета благотворительного фонда. Помимо этого, она член Координационного совета при Президенте Российской Федерации по реализации Десятилетия детства. Это Координационный совет, который призван контролировать реализацию Десятилетия детства. Координационный совет при Правительстве реализует ее, а Координационный совет при Президенте контролирует. Я думаю, что много слов не надо говорить, чтобы представить фонд Тимченко, потому что достаточно много программ реализуется в России. Только благодаря этому фонду мы начали внедрять доказательный подход при описании социальных практик. Этот фонд уже в течение двух лет сам отбирает практики только на основании доказательного подхода. И еще одно очень важное направление, которое реализует фонд, — поддержка реализации права ребенка быть услышанным. Вот такое небольшое представление фонда. Слово Ксении Геннадьевне.

К.Г. Франк

Спасибо большое. Я немножко переживаю, что я вас всех не вижу, но я надеюсь, что вы меня слышите. Раз у меня есть такая возможность, я бы хотела сказать пару слов о том, в чем я абсолютно уверена. Я абсолютно уверена, что любая социальная программа: социальная, некоммерческая, реализуемая компанией, — должна ставить в центр изменение качества жизни реального конкретного человека. Это звучит очевидно, но я бы хотела, чтобы вы вспомнили какую-нибудь программу, где вы видели мероприятия программы и считали результаты. Например, если мы говорим о программе, которая нацелена на здоровье и повышение здорового образа жизни среди молодежи. Результатом этой программы должны быть издание пособий или проведение классов,

которые повлияют на образ жизни молодежи. Но пока мы не пойдем и не спросим участников этого класса и людей, которые работали с этим пособием, мы не сможем так утверждать. У нас самих было немало за последние 30 лет программ, где мы были уверены, что программа должна быть абсолютно полезна для ее конечного благополучателя. Она казалась нам и красивой, и выверенной. А в результате оказывалось, что было недостаточно системных изменений или по каким-то другим причинам она не срабатывала. Поэтому я не устаю призывать всех к тому, чтобы ставить изменение качества жизни человека в центр любой программы. Сказать легко, но как это сделать? Конечно, нет никакого единого решения, которое полностью может решить эту проблему, но есть несколько принципов, на которые мы опираемся в нашей работе. В первую очередь, если вы ставите человека в центр программы, необходимо его периодически спрашивать о том, насколько поменялась его жизнь или что поменялось. Если вы говорите о том, что эта программа повышает успеваемость среди людей, то вы должны были общаться с участниками этой программы и их родителями до и во время прохождения этой программы. Второй принцип нашей работы заключается в том, что мы понимаем, что мы работаем с грантополучателями, которые ведут очень важную социальную миссию. У них, конечно, не так много ресурсов, чтобы они могли отвлекаться от своей основной деятельности, чтобы постоянно проводить оценки. Поэтому мы традиционно закладываем в каждый наш грант средства на проведение мониторинга и оценки эффекта программы. Мы понимаем, что нам абсолютно необходимо сотрудничество с исследователями, с научными коллективами, потому что мы поддерживаем практиков, которые могут описать проблемы своих подопечных. Но если не появляется ученых, которые могут это оцифровать и системно описать, очень сложно предлагать государству решения социальных проблем, потому что не хватает устойчивости и долгосрочного взгляда. Поэтому мы поддержали за последние несколько лет более 30 исследований в разных областях. Эта работа самая долгосрочная и не имеет явного сразу результата, мы продолжаем поддерживать ее. Продолжаем поддерживать, в том числе, такие инициативы, как создание реестра практик с доказанной эффективностью. Во-первых, это полезно нам, потому что мы, как грантодающий фонд, понимаем, кому в первую очередь давать деньги. Если вы доказываете, что именно эта система работает, мы видим, что нужно вкладываться именно в эту практику и этот подход. Второе: мы видим, что само прохождение верификации и научный подход очень полезны для наших подопечных, для наших грантополучателей. В качестве примера скажу, что я недавно была под Тамбовом в Котовском доме-интернате, где мы обсуждали с руководителем, насколько было полезно или не полезно для нее идея вхождения в подобный реестр. Она рассказала историю, которая, с одной стороны, очень простая, а с другой стороны — показывает пользу подобных мероприятий. Когда они начали себя оценивать, одним из условий оценки был опрос своих клиентов. Они работали с семьями, в которых дети оказались в детском доме, и родители пытались восстановить детско-родительские отношения и связи с детьми, чтобы дети вернулись в свои кровные семьи. Они по опросу и детей, и родителей поняли, что самая эффективная интервенция, которая запрашивается, — курс на повышение родительской компетенции среди родителей. В первую очередь мы работаем с детьми, а понимание того, как родители реализуются или меняются в связи с программой, не очень очевидно. Мы рады, что это дает практическую пользу для нас и представляет научный интерес. Я абсолютно уверена, для того чтобы создать устойчивые изменения, нам нужно умело и гибко объединять ученых, практиков и государство. Чем больше мы понимаем единый язык и общаемся на едином языке, тем легче нам будет предлагать выверенные и эффективные решения для социальных проблем. Спасибо.

Г.В. Семья

Спасибо большое, Ксения Геннадьевна. Теперь мы с вами приступаем к докладам. Я представляю слово Марголису Аркадию Ароновичу, ректору Московского государственного психолого-педагогического университета. Тема: «Доказательный подход и реестр общих практик работы с детством». Пожалуйста.

А.А. Марголис

Добрый день, уважаемые коллеги. Я надеюсь, что вы меня простите за то, что мое выступление заменяет выступление Виталия Владимировича Рубцова. Это было достаточно неожиданным и для него самого, и для меня. Тем не менее, так как я тоже достаточно давно размышляю на тему доказательного подхода, я попробовал какие-то свои соображения, которые мы обсуждали с рядом коллег, которые участвуют в сегодняшнем заседании, выразить в виде короткой презента-

ции. Я попробую остановиться в этой презентации на трех основных категориях, первое — доказательный подход в социальной сфере как таковой, второе — стандарт доказательной практики, о котором уже говорила Ксения Геннадьевна в своем выступлении, а третье — реестр. Это слово неоднократно звучало на нашей конференции в разных контекстах. Неплохо было бы более широкому кругу участников понять, о чем, в принципе, идет речь. Мы все знаем, что словосочетание «доказательный подход» появилось в сфере медицины и здравоохранения примерно в конце 70-х годов. Связано оно с работой целого ряда групп медиков и исследователей в разных странах. Они решали очевидную задачу, имеющую прямое отношение к предмету нашего обсуждения. А именно: пытались понять, во-первых, какие методы диагностики и лечения оказываются действительно эффективными. Во-вторых: можно ли всегда строить лечение и диагностику исключительно на личном опыте и клиническом мышлении врача? Или в ряде случаев это оказывается неэффективным, и надо использовать более надежные и проверенные методы лечения, чья эффективность была доказана научным путем. Это было связано, прежде всего, с развитием эпидемиологии как таковой. Не как науки об инфекционных заболеваниях, а как науки о больших данных в сфере медицины. Если мы говорим о доказательном подходе в сфере социальных практик, мы понимаем, что под практикой мы подразумеваем набор некоторых действий, которые направлены на получение социально направленных результатов. Обычно под этим понимается очень широкий круг разных вещей, но чаще всего речь идет о моделях, программах, методиках. Редко используется слово «технологии» или оно, наоборот, часто используется, но от этого не становится понятнее, чем это отличается от всего вышесказанного. Стандарт доказательной практики — очень важная история, которая связана с главной проблемой доказательного подхода. Если у нас есть какая-то программа, которую мы пытаемся реализовать после того, как мы ее разработали и придумали, и она направлена на улучшение качества жизни детей, решение какой-то социальной проблемы, связанной с ними, мы никогда не можем быть окончательно уверены в том, что именно наши усилия и реализация этой программы позволили нам достичь этого результата. У нас есть ситуация с большим количеством правонарушений, которые совершаются несовершеннолетними. Мы запускаем программу, направленную на профилактику девиантного поведения, на развитие уличного спорта, для этих детей, и по прошествии множества лет мы видим существенное снижение количества правонарушений. Возникает вопрос, произошло ли это потому, что мы это все сделали и наша программа оказалась эффективной, или потому, что все эти дети выиграли в лотерею и занимаются еще чем-нибудь помимо наших усилий, или просто вообще этих детей стало намного меньше на этой территории, потому что демография изменилась, соответственно, это не могло сказаться на статистике совершения правонарушений. Эта неясность в том, насколько мы можем быть уверены в том, что именно результаты внедрения той модели, конкретной программы или методики, которую мы разработали, действительно находятся в причинно-следственной связи с достигнутым результатом, и *предопределяет необходимость того, что разработчики этих технологий могли озаботиться решением этого сложного вопроса и быть способными доказать, что именно в результате этих действий и этой технологии мы с определенной высокой вероятностью достигли этого результата.* Вопрос про вероятность тоже нашел отражение в стандарте доказательной практики и сформулирован в виде важного понятия, в том числе и с научной точки зрения, как триангуляция результатов. Мы на самом деле никогда абсолютно точно не можем быть уверены в том, что мы действительно получили стопроцентную зависимость между нашими усилиями и достигнутыми социальными изменениями. Просто использование тех или иных методов повышает вероятность того, что это так, а следовательно, мы с определенной нарастающей вероятностью способны действительно увидеть здесь причинно-следственные связи. Стандарт доказательной практики разрабатывался широким кругом организаций при большой помощи и активном собственном участии фонда Елены и Геннадия Тимченко и при участии нашего университета. Разработка этого стандарта была осуществлена группой ученых, которую возглавляла Татьяна Подушкина. Татьяна Геннадиевна руководит центром доказательного проектирования, который существует в нашем университете. Задача самого стандарта — дать четкие критерии и ориентиры, благодаря которым можно будет понять, насколько та или иная социальная практика действительно отвечает критериям доказательного подхода. Это соответствие оказывается крайне важным в целом ряде направлений. Во-первых, оно позволяет убедиться в следующем: что наши усилия действительно направлены на достижение положительных социальных изменений в жизни благополучателей. А также что эти усилия — с определенной существенной вероятностью — эф-

фактивно реализовываются. Во-вторых, соответствие социальной практики критериям доказательного подхода очень важно для самих разработчиков. Фактически речь идет о том, что, используя стандарт доказательной практики как механизм самодиагностики для разработчиков, мы получаем совершенно другую историю, не связанную с внешним контролем и подотчетностью, а историю, связанную, по сути, с развивающим оцениванием. Когда разработчики в действительности используют этот стандарт для того, чтобы понять, насколько доказательно выглядит их практика, они совершают очень существенный шаг в собственном профессиональном развитии. Это представляется не менее важным результатом, чем достижение тех или иных положительных социальных изменений, потому что это говорит о том, что квалификация нашего профессионального сообщества в результате внедрения этого подхода может существенно возрасти, а это принципиально важно. Понятно, что чем более квалифицированными оказываются люди, занимающиеся столь сложными проблемами, каковыми являются социальные проблемы, тем больше вероятность собственного успеха. Конечно, мы понимаем, что разработчик не может изначально быть одновременно и исследователем. С другой стороны, мы понимаем, что он не может им и не быть. Потому что есть известная концепция «практик как исследователь». Не академический исследователь, который пишет научную статью в кабинете, а исследователь собственной профессиональной деятельности, который пытается научным образом понять, насколько он продвигается в решении проблемы, в которой он хочет изначально продвинуться, и насколько он успешен в этом. Надо ли ему действительно менять что-то в своем подходе или он может двигаться дальше. Этот подход оказывается очень близок к другому понятию, которое называется «рефлексивная практика». Это практика, в которой разработчики фактически двигаются в заданном направлении вне зависимости от того, какие результаты они получают по дороге. Практика, которая осуществляется на основе обратной связи и независимой оценки, встроенной в нее. Что происходит с достижением этих результатов и не пора ли задать вопрос, насколько мы правильно двигаемся в выбранном направлении, в том числе сделать свои собственные действия предметом экспертизы и анализа. Сделать свои собственные действия предметом своего анализа — самая сложная история. Мы все этого делать очень не любим, и это очень сложно. С этой точки зрения, участие исследователей в таких командах и развитие института независимой оценки представляются архиважными. Понятно, что это сотрудничество практиков и исследователей, с одной стороны, может привести в перспективе к следующему результату: к тому, что большая часть практиков будет занимать позицию, которая называется «практик-исследователь». Кроме того, сотрудничество практиков и исследователей плодотворно скажется на развитии наших научных исследований, которые, зачастую, направлены на изучение всего, чего угодно, кроме того, что нужно изучить. Здесь есть часть моих коллег, которые работают в университетах. Мы хорошо знаем, как иногда трудно бывает пробить дорогу для исследования какой-то действительно важной и актуальной проблемы даже в том случае, когда она предполагает возможность получения внешнего финансирования и много чего другого. Потому что инерция прошлого предполагает выбор совершенно других исследований, другой культуры исследования, отсутствие социализации этих результатов и нежелание разворачиваться в том направлении, в котором стоило бы это делать. Мне кажется, что эта тема доказательного подхода важна не только для развития социальной практики в стране, но также она важна для развития научных исследований. Я об этом рассказывал на каком-то семинаре. Прошу извинения у тех, кто это уже слышал, но мы проанализировали, какое количество результатов независимой оценки тех или иных социальных практик было опубликовано в 10 ведущих российских научных журналов по психологии образования за последние 5 лет. Мы были потрясены полученным результатом, который составлял «ноль». Какие-то программы, направленные на достижение социальных изменений, должны были быть. От этого выиграли бы и сами программы, и качество исследований. Потому что исследования дальше кем-то цитируются или не цитируются. Это зачастую оказывается связано с тем, на какой предмет они были обращены, насколько это важная история. Наряду с обычными понятиями, такими как импакт-фактор журнала, индекс цитируемости, все больше набирает популярность совершенно другое обозначение импакт-фактора. Это социальный импакт-фактор проведенного исследования. Насколько это исследование действительно оказалось востребовано в социальной практике. Это была такая история про доказательный подход и стандарт доказательной практики как инструмент развивающего оценивания, как инструмент выявления или отсутствия причинно-следственных связей между тем, что предлагает разработчик по решению важной социальной проблемы, и реальным достижением тех социальных

изменений, о которых говорят разработчики. А разработчики говорят обычно так много, что в одном из зарубежных реестров, который я смотрел перед сегодняшней нашей встречей, я нашел совершенно замечательное понятие «обещающая технология». Это не звучит плохо, это просто стартовый уровень континуума доказательности. Потому что понятно, что никакая технология, за некоторым исключением, не способна сразу предъявить огромный объем доказательств своей эффективности. По мере ее становления она может обретать или не обретать большое количество разным образом получаемых доказательств, и здесь мне кажется очень важным то, что Ксения Геннадьевна говорила по поводу того, что во всей этой истории важно не потерять за цифрами, в том числе теми, которые касаются разных социальных изменений, самого человека. Поэтому во многих случаях метод триангуляции, о котором мы говорим, позволяет находить оптимальное сочетание количественных методов и качественных методов. Интервью, в том числе и с благополучателями, и рассмотрение судьбы конкретного человека так же важно, как и сбор, обработка и интерпретация количественных данных. Качественные методы тоже могут быть использованы для доказательства эффективности той или иной технологии.

Теперь я хотел бы пару слов сказать про реестр. У нас в настоящее время есть два важных реестра. Это реестр, который ведет фонд Марины Владимировны, и это очень важный реестр, о котором Надежда Анатольевна не сказала, но она еще скажет более подробно в своем докладе. Она расскажет про реестр, который ведет АСИ и который называется «Смартека». Он сейчас завершает финальный этап конкурсного отбора. В пункте 129 плана Десятилетия детства, о котором часто говорится в ходе нашей конференции, предполагается создание такого реестра на основе единого подхода, и оно записано за тремя организациями: Агентством стратегических инициатив, фондом и нашим университетом. Когда мы посмотрели и обсудили с коллегами, как выглядят существующие реестры, мы поняли, что у каждого из этих реестров есть своя специфика. В одном случае это, по сути, все то, что должно быть создано в регионе для успешной реализации той или иной социальной практики или технологии. Во втором случае это фактически определение того, какое управленческое решение оказывается наиболее эффективным в решении проблемы, связанной с той или иной социальной ситуацией, в том числе и в регионе, и на уровне организации. И там, и там фигурируют слова «социальные технологии». И там, и там они подробно не расшифрованы. Фактически у нас на настоящий момент нет такого реестра, который содержал бы информацию на нижележащем уровне самой социальной технологии. В тех примерах и выступлениях, которые прозвучали, мы часто слышали слова «служба ранней помощи», «детский телефон доверия», «программа, направленная на профилактику девиантного поведения». Но мы же понимаем, что за этими словами может быть 125 абсолютно разных программ. Мало того, у большей части этих программ есть авторы. Они обычно исчезают. На этом поприще не принято фиксировать авторство. Это очень сильно не похоже на то, как это сделано в других местах. Слово «бренд» применительно к социальной технологии не используется. Поэтому сложно понять, о чем мы говорим конкретно. Потому что понятно, что конкретные технологии, реализующие общую направленность, связанную с детским телефоном доверия, могут быть совершенно различными. Вот сидит Олеся Валентиновна Вихристюк в центре экстренной психологической помощи нашего университета. У нас есть детский телефон доверия. Есть масса общих вещей с тем, как это устроено во многих других местах, есть очень много абсолютно непохожих технологий. Мне кажется, что очень важным является уровень социальной технологии и верификация доказательным образом эффективности именно этих технологий. Это позволяет нам совершенно по-другому относиться к модели этих реестров. Если мы говорим о реестре социальных технологий как об отсутствующем сегодня элементе, наш университет вместе с Ассоциацией исследователей образования, которую поддерживает целый ряд университетов Российской Федерации: и Высшая школа экономики, и Городской педагогический университет, и Психологический институт Российской академии образования, и целый ряд других организаций, — фактически мог бы взять на себя задачу создания такого реестра технологий, который проводил бы две очень важные вещи: он мог бы заниматься функцией консалтинга и функцией верификации доказательности, что нам представляется важным. Тогда мы из ситуации трех не связанных друг с другом в настоящий момент реестров могли бы перейти в ситуацию распределенного реестра, в котором представлено все: от уровня технологий до уровня региональной программы и до уровня необходимого управленческого решения. Это позволило бы совершенно по-другому выстроить уровень качества социальной политики в сфере защиты детства. Что для этого необходимо было бы сделать? Во-пер-

вых, необходимо создание сети независимых научных центров. Она должна быть межрегиональной, чтобы все не происходило исключительно в Москве и Петербурге. Во-вторых, необходимо запустить целую программу научных исследований, которая не должна финансироваться исключительно организациями, которые являются разработчиками тех или иных социальных технологий, потому что это будет постоянный конфликт интересов, и мы не сможем никогда быть уверенными в том, что заказ этого исследования не повлиял на оценку полученных результатов. Нам кажется, что это должен быть портал с принципом единого окна, куда любая организация из любой точки страны может обратиться для того, чтобы пройти процедуру независимой оценки эффективности той технологии, которую она разрабатывает или предлагает, а также получить консалтинг, необходимый для осуществления следующего шага развития. Появление такого портала позволит создать более сбалансированную ситуацию. В результате все разработки — от уровня социальной технологии до уровня региональной дорожной карты — начнут работать как единая система. При этом социальная технология перестанет быть обезличенной, приобретет авторство и фактически будет (в некотором смысле) брендирована. А региональная дорожная карта (которая будет показывать, что необходимо создать в регионе), «поможет» технологии реально работать и быть успешной. Понимание того, какие должны быть управленческие решения и какие финансовые механизмы должны быть задействованы, позволит нам получить фактически совершенно другое качество социальной политики в сфере защиты детства.

Я хочу сказать, что одним из инициаторов перехода к доказательному подходу в медицине являлся шотландский врач и исследователь Арчибальд Кокрейн, именем которого назван один из самых больших реестров, существующих сегодня в Европе. Он касается широкого круга технологий, в том числе и медицинских. Мне кажется, что социальная сфера в этом смысле все еще ждет своего Арчибальда Кокрейна, надеюсь, российского. Нам кажется, что, если мы каким-то образом отнесем к этому заинтересованно, будем рассматривать эту конференцию не как нечто проходное, а как реперную точку, от которой мы начинаем совместно новый отсчет времени, связанный с переходом в доказательную практику в той сфере, которой мы с вами занимаемся, мы можем надеяться на получение принципиально новых результатов.

Последнее, доказательный подход — это очень неприятная вещь, которая никакой радости не приносит никому: ни специалистам, ни представителям органов управления, потому что она существенно сужает пространство произвольности в принятии управленческих решений, ни самим разработчикам, потому что им надо подставляться под какие-то оценки измерения, и это связано с огромным дополнительным объемом работ и очень некомфортной социальной ситуацией. Единственные, кто от этого гипотетически реально может выиграть, — благополучатели. Если вообще то, что мы делаем, каким-то образом направлено именно на решение этой задачи, не делать это просто нельзя. Спасибо.

Г.В. Семья

Спасибо большое, Аркадий Аронович. Сейчас мы переходим к выступлению наших зарубежных коллег, которых мы специально пригласили, чтобы послушать подходы к обсуждаемой нами проблеме за рубежом. Первое слово я хочу предоставить Крис Сахончик, директору Института по здравоохранению и социальной политике им. Катлер, Университет Южного Мэйна, США. Крис уже не в первый раз приезжает в Москву с докладами. Пожалуйста, Крис.

К. Сахончик¹

Здравствуйтесь. Пожалуйста, извините меня за то, что я не говорю по-русски. Сегодня я буду говорить с вами о нескольких подходах к управлению, основанных на исследованиях. Я буду говорить о том, что говорят исследования, чему мы можем научиться из исследований и как мы можем эти исследования применять в той работе, которой занимаемся. Я директор исследовательского института, а также директор центра, который занимается вопросами здоровья и социальной политики. Я эксперт в области детского благополучия. Более 10 лет я руководила американским центром, занимающимся вопросами социальной политики и детства. В этой позиции я занималась оценкой того, в какой жизненной ситуации находятся дети. Оценивание проводилось и в общенациональном масштабе, и в каждом штате по-отдельности. Я работала в 37 штатах на четы-

¹ Текст выступления дан в переводе.

рех американских территориях с большим количеством племенных народностей. Мы занимались развитием практик управления. Мы занимались развитием стратегического планирования и внедрения стратегического планирования в интегрированные практики по созданию необходимых условий для детства, для решения вопросов ментального здоровья, работая с различными племенами.

Также в прошлом я представляла права детей в судах, и из собственного опыта я знаю, что такое большая загрузка делами, нехватка соответствующих услуг и несоответствие законных инициатив и законодательных актов тому, что требуется на практике.

Мой опыт во всех этих сферах подсказал мне, что действительно есть способы использовать исследования таким образом, чтобы мы могли улучшить наше планирование, практики и оценки. Также я занимаюсь разведением пчел. Я полагаю, вы знаете, что пчелы — невероятно успешны в управлении и результатах этого управления. Я думаю, у пчел мы можем многому научиться: ясности в ролях и ответственности, организационному управлению, обеспечению качества и фокусу внимания на результатах.

Я хочу вам напомнить, что эта презентация посвящена менеджменту и системам и тому, как менеджмент и системы можно использовать для того, чтобы поддерживать достойную практику для того, чтобы достичь необходимых результатов для детей, семей, о которых мы заботимся.

Вначале я хотела бы обозначить некоторые управленческие вызовы, с которыми мы сталкиваемся. Возможно, некоторые из них так же хорошо знакомы и вам. Итак, как наша организация может гарантировать достойную практику? Как мы можем понять, что наши практики действительно имеют позитивный результат для детей и семей? Как мы можем перейти от сбора данных к использованию этих данных для улучшения услуг, предоставляемых детям и семьям? Как мы можем сделать нашу практику последовательной? Как мы можем гарантировать получение достойных и надлежащих услуг каждым ребенком и каждой семьей?

В моей презентации вы часто будете слышать от меня слово «агенсу» — агентство или организация. Под этим я подразумеваю организацию, государственную или негосударственную, которая занимается предоставлением социальных услуг детям и семьям. А также практику я определяю как клиническую работу, как консультирование, консультационную работу с детьми и семьями.

Несколько слов о множественных системах и партнерах. Организация по детскому благополучию — это система, которая состоит из большого количества подсистем. Так, например, мы можем говорить здесь о клинической практике, о системе обеспечения качества, системе обучения, а также о подборе кадров. И управление внутри организации требует от нас, чтобы мы связывали само управление, практику и супервизию. С этой целью мы создаем взаимосвязанные практики планирования и обучения. Также мы говорим об управлении, связанном с взаимодействием с большими системами в сообществе. Речь идет о судах, родителях, а также о службах, которые обеспечивают социальные услуги. Для того чтобы достичь хороших результатов для детей и семей, эти подсистемы должны быть согласованы друг с другом с целью усиления и актуализации целей и задач, миссий, видения, основополагающих принципов. Все это в этом случае может привести к достойным результатам для детей и семей.

Я буду говорить о пяти сферах исследования, которые, на мой взгляд, могут быть применимы к сфере вопросов детства. Есть огромное количество различных областей исследований, но, к сожалению, у нас нет столько времени, поэтому сосредоточимся на этих пяти.

Первая: речь идет о подходе к стратегическому управлению. Когда авторы этого подхода впервые опубликовали свой всеобъемлющий анализ стратегического управления в общественном секторе, они проанализировали около 34 различных исследований, опубликованных в журналах по госуправлению. Эти авторы предприняли огромное количество попыток оценить и зафиксировать, как факторы среды и организационные факторы влияют на нашу практику. Очевидно, что они действительно старались понять, что работает, какие практики приносят наибольшую эффективность, когда мы связываем стратегическое планирование с результатом. Эти исследователи работали с двумя типами переменных, определяющими результаты. Они подчеркивали важность стратегического управления, стратегического менеджмента и необходимость интегрирования практик стратегического управления в социальную сферу, говорили о важности отношения фактора среды к факторам, влияющим на устойчивость наших результатов и на улучшение результа-

тов деятельности. Фокус на этих моментах, а также роль постоянного стремления улучшить качество действительно привели к хорошим результатам.

А теперь я перейду к Брайсону и вопросам стратегического планирования, постоянно фокусируясь на внимании, на разделяемом общем видении, на каких-то конкретных целях, на действии и на обучении. Таким образом, учитывая это все, у стратегического планирования есть возможность пронизывать культуру и структуру организации и стать тем инструментом, который будет создавать изменения. Лидеры на всех уровнях: директора, менеджеры, супервизоры, — и те, кто работает непосредственно с людьми, точно так же как и внешние партнеры, — все они вовлечены в работу по созданию виденья, направления и вектора. И дальше я вкратце расскажу о подходе Вандерсмена, он сейчас очень популярен в Соединенных Штатах.

Главным образом это связано с тем, что мы в большей степени сфокусированы на профилактике и предотвращении. Вандерсмен говорит о модели прихода к результатам.

И эта модель была разработана для того, чтобы решить вопрос большого разрыва между исследованиями по профилактике и практикой. Одной из целей этой модели явилось выстраивание необходимых способностей и компетенций на индивидуальном уровне.

Модель помогает нам понять, как сообщества и организации могут конструировать, применять и улучшать практики интервенции. Важны вопросы оценки, и люди, занимающиеся оценкой, должны работать в тесной связи с теми, кто применяет этот подход, использовать рамки подхода и такие инструменты, которые действительно могут привести к достойной оценке результатов рабочего процесса. Оценка результатов самого процесса поможет нам понять, действительно ли эта практика была применена соответствующим образом и с полной ответственностью. Последующие оценки также могут помочь нам понять, удалось ли этой модели привести нас к ожидаемым результатам.

Сейчас я в общих словах расскажу о теории изменений Коттера, которая основана на более ранних работах Луэна по стратегическим изменениям. Коттер говорит о восьмизэтапном процессе, который устанавливает чувство неотложности и срочности выполнения задач, создает направляющую коалицию, создает и передает видение, позволяет нам внедрять долгосрочные изменения, генерирует краткосрочные выигрыши, а также поощряет дополнительные изменения и закрепляет эти изменения в рамках новых подходов внутри организации. Шаги, описанные Коттером вполне применимы к стратегическому управлению в области детского благополучия. Есть потребность создать чувство неотложности, включать всех заинтересованных лиц, как внешних, так и внутренних, организовывать и устанавливать виденье для более широкой системы вопросов детского благополучия, помогать агентствам создавать планы по улучшению программ и менять стратегии таким образом, чтобы они отражали настоящие потребности и ресурсы. Эта теория изменений также фокусируется на постоянном улучшении качества.

Последняя область, которую я затрону, — это вопросы применения и внедрения. То, о чем я сейчас буду говорить, основано на очень популярной в Соединенных Штатах работе. Авторы теории были сосредоточены на том, чтобы разбить на этапы и части процесс внедрения. Есть шесть этапов, которые они описали. Первый этап называется исследование, затем происходит дизайн программы, первоначальное внедрение, апробация, затем уже полноценное внедрение, инновация и долгосрочность.

Самое важное, что мы можем взять из их работ, — ответ на вопрос, как долго, как много времени обычно занимает внедрение новых практик и новых процессов. Как правило, в большинстве случаев речь идет о двух-четырёх годах.

После того как мы провели исследования в шести штатах и провели необходимую оценку, мы сформировали некий перечень изменений в соответствии с нашим исследованием, которое мы хотим внести в эту модель. И очень кратко скажу вам, что наше внимание было сосредоточено в итоге на следующем. Важно было понимать, затем конструировать, применять, проводить коучинг и уже после этого оценивать. И просто в завершение я хочу также сказать, что в процессе оценки, проводимой нами, мы посмотрели на ключевые факторы, влияющие на эффективное внедрение. Во-первых, речь идет о лидерстве, вовлеченности заинтересованных лиц, коммуникации, культуре, климате и среде внутри организации, кроссфункциональных командах, коучинге. И еще раз я просто хотела подчеркнуть важность коучинга, потому что, согласно нашим исследованиям, без коучинга никакие тренинговые программы и обучение не работают.

И также один из ключевых факторов — верное применение каких-то операционных малых практик в деталях.

И последние ключевые факторы, влияющие на эффективное внедрение, которые мы выделили: организационная структура, ресурсы, вовлеченность семьи, постоянный частый мониторинг и оценка. Я хочу остановиться на секунду чуть подробнее на вовлеченности семьи, потому что это очень важно. Взаимодействие с семьями нам действительно необходимо. Нужно уделять этому особое внимание, потому что мы можем узнать настоящие потребности и выявить те практики, которые применяются, те услуги, которые оказываются, и понять, подходят они или нет.

Также я хочу сказать, что очень важно, чтобы и менеджеры, и клинические специалисты, и социальные практики находились на одной волне и в одном контексте. Здесь я напомним вам о пчелах, потому что их уровень сотрудничества говорит нам о том, насколько важно находится во взаимосвязи с контекстом. Спасибо.

Г.В. Семья

Thank you very much! На самом деле было очень интересно, хотя некоторая терминология у нас разная. Мы ее по-разному воспринимаем. Конечно, было бы очень интересно посмотреть мастер-класс, увидеть, как это применяется на практике. Самое главное, что основные подходы, о которых говорила Крис, важны, и не надо про них забывать, когда мы делаем свою практику или проводим оценку. Ну и, конечно, было бы неплохо попробовать Ваш мед, Крис, но я понимаю, что нам не достанется. Единственный недостаток выступления. Спасибо большое.

Слово Дженни Грей, Международное общество по профилактике насилия и жестокого обращения с детьми в Великобритании. Благодаря фонду Тимченко Дженни Грей и Стин уже не в первый раз проводят у нас в России обучение наших специалистов тому, как увидеть жестокое обращение и насилие по отношению к детям. И, соответственно, какая реабилитационная помощь должна быть оказана. Насколько я знаю, завтра они проводят очередное занятие для тех, кто работает в этих группах. Дженни, Вам слово.

Д. Грей²

Спасибо большое за приглашение выступить сегодня. Очень здорово видеть знакомые лица и встретить новых коллег. Я буду говорить о том, что говорит нам доказательная база о том, как работать с детьми, пережившими жестокое обращение и насилие, и с их семьями. Просто хотела напомнить о международной инициативе, которая сейчас внедряется и проводится, чтобы прекратить насилие в отношении детей к 2030 году.

Это глобальная инициатива, и каждая страна должна работать на эту конечную цель. Эта программа дала нам доказательства и некоторые цифры распространенности насилия во всем мире. Подчеркну, что тысячи детей страдают от жестокого обращения и насилия во всем мире. Это трагедия для каждого конкретного ребенка, а также это вопрос общественного здоровья на международном уровне. В рамках данной инициативы были определены различные виды и типы насилия, от которых страдают дети в различные периоды их жизни: жестокое отношение, буллинг или травля, жестокость молодежи по отношению друг к другу, жестокое обращение от супруга, сексуальное насилие, эмоциональное и психологическое насилие и свидетельства насилия. Просто чтобы показать вам, как описана стратегия по прекращению насилия и жестокого обращения по отношению к детям. Еще для того чтобы напомнить о глобальном контексте: во Всемирной организации здравоохранения Европейский комитет тоже продвигает инициативу о профилактике жестокого обращения по отношению к детям. Эта инициатива началась в 2015 году и закончится в 2020. Задача Всемирной организации здравоохранения в рамках данной инициативы — уменьшить распространенность жестокого обращения с детьми и убийств детей на 20% к 2020 году. Что касается практик с доказанной эффективностью по работе с семьями и детьми... Мне кажется, очень важно посмотреть на эту диаграмму, которая также представлена в той глобальной инициативе, с которой я начала выступление. В диаграмме показаны те универсальные конкретные и специфические меры, которые существуют, и как они разделены для предотвращения насилия и повторения насилия. Также в отдельные группы выделены практики, которые направлены на пре-

---

² Текст выступления дан в переводе.

дотворачивание повторения насилия по отношению к детям и предотвращение нарушений здоровья, которые связаны с насилием и жестоким обращением. Фокус всегда держится на долгосрочных результатах для детей. Всемирная организация здравоохранения составила такой список различных практик и технологий по работе с детьми и их семьями, которые носят универсальный характер, то есть направлены на все население и носят сфокусированный характер, которые работают на предотвращение жестокого обращения и насилия или на предотвращение повторного насилия. Для того чтобы понять, работают ли эти практики, эффективны ли они будут в вашей стране и в ваших условиях, очень важно попробовать их. Большинство из этих программ были созданы в Америке, но важно пробовать их в вашем контексте. Также в Великобритании у нас созданы руководства. Они созданы Национальным институтом профессионального мастерства в области здравоохранения и воспитания. Эти руководства дают некоторые рекомендации по работе с семьей и детьми, пострадавшими от жестокого обращения. Там перечислены различные программы, которые могут использовать организации, а также конкретные индивидуальные профессионалы в своей работе. Из-за нехватки времени я не буду проходить по всему списку конкретных программ, которые перечислены на этом слайде, но на сайте организации Национального профессионального мастерства (она называется NICE) вы можете на них посмотреть.

Еще я хотела бы подчеркнуть, что есть огромное количество исследований, которые говорят о том, что огромное количество детей испытывают на себе не один вид насилия, а множество видов. И об этом важно помнить, потому что многие профилактические программы, которые разработаны, работают с каким-то конкретным видом насилия, например с сексуальным насилием. В 2016 году было проведено исследование, обзор различных видов вмешательства по отношению к различным видам насилия. Они смотрели, какие виды вмешательств и программ наиболее эффективны для детей, пострадавших от различных форм насилия. Также в рамках этого исследования было много других целей и задач, но это уже для другого нашего обсуждения. В рамках своего системного анализа они нашли 192 исследования, которые говорят о различных видах эффективных практик по работе с детьми. А также в рамках этого исследования они увидели, что большое количество детей страдало от нескольких видов насилия одновременно. Например, они выявили, что когнитивно-поведенческая терапия, основанная на понимании травмы, была очень эффективна в уменьшении травматических симптомов, а также была полезна в уменьшении тревожного расстройства и депрессии у детей. Также они выявили, что параллельная работа с родителями и ребенком также показала свою эффективность. Однако, было выявлено ограниченное количество вмешательств и практик, которые были направлены на многофакторное насилие. И несмотря на то что есть огромное количество программ и практик, которые направлены на работу с детьми, пострадавшими от насилия, бывает очень сложно выбрать и понять, какую же практику применять при работе с ребенком, который пострадал от нескольких видов насилия. Специалисту, работающему с конкретной семьей, очень сложно понять, когда какую применять. Когда работать по когнитивно-поведенческой терапии, когда работать по системной терапии с родителями и ребенком. Также обычно существует большая проблема в обучении и получении супервизии по конкретному подходу, чтобы эффективно использовать его в своей работе. Еще существует проблема с международными программами и программами, созданными в США, которая состоит в том, как использовать эти программы эффективно в своем контексте.

В качестве ответа на эти сложности мы в организации обучения для детей и семей создали модульный подход в обучении практикам с доказанной эффективностью. И эти практики, наши технологии можно использовать как в рамках предотвращения жестокого обращения, так и после того как оно уже произошло в семье. Разрабатывая данную программу, мы использовали похожие элементы, которые используются во всех практиках, которые относятся к «золотому стандарту» работы с семьей и детьми. Также мы смотрели в рамках разработки этой программы на личностные и межличностные взаимодействия, которые зачастую влияют на качество работы, как, например, отношения между специалистом и клиентом. Проведя такую дистилляцию всех тех подходов, которые используются в работе с детьми, пострадавшими от жестокого обращения, мы в рамках нашей работы создали 9 модулей, которые касаются различных аспектов работы с ребенком или семьей.

Все они касаются прямой непосредственной работы с ребенком и родителями, с ребенком, травмированным и пострадавшим от жестокого обращения. Отдельный блок посвящен работе с семьей. И отдельный блок посвящен содействию позитивному воспитанию.

Все это мы организовали в рамках образовательного модуля, где специалистам предлагается познакомиться с теоретическими основами данного вмешательства, а также получить знания и навыки непосредственно необходимые для работы с семьей. Ключевым в рамках данного подхода является то, что специалисты знакомятся с содержанием всего руководства. Это отличие данного подхода от подходов, которые предлагают нам следовать шаг за шагом конкретным прописанным процедурам и протоколам. Здесь у нас отличие в том, что мы всегда используем инструменты и упражнения из данных модулей исходя из потребностей конкретного ребенка после проведения нами оценки.

Таким образом, можно изменять и адаптировать подходы и части данных модулей под конкретные потребности ребенка, но все еще использовать этот подход с доказанной эффективностью. Когда вы выбираете какую-то часть модуля из данного руководства, вы должны следовать всем тем шагам, которые описаны, чтобы добиться наилучших результатов и действовать в соответствии с практикой с доказанной эффективностью. Как сказала Галина Владимировна, мы вместе с фондом Тимченко проводим специальные программы, чтобы внедрять данный подход и обучать специалистов этому подходу в работе с семьей и детьми. Одна из наших задач — оценить результаты внедрения данного подхода в работе с семьей и детьми. И очень надеемся, что через 12 месяцев нам удастся предоставить вам и результаты внедрения данного подхода в работе с детьми, пострадавшими от жестокого обращения и насилия, и результаты непосредственно для детей, которые были достигнуты благодаря использованию данного подхода. В дальнейшем мы планируем сравнить эти результаты с результатами, которые были нами получены в рамках работы в Великобритании и в других странах, где мы тоже занимаемся внедрением данного подхода. И, пользуясь возможностью, я хотела бы вас всех пригласить на международный конгресс, который пройдет в июне следующего года в Италии, который будет проводить Международное общество по предотвращению жестокого обращения по отношению к детям. До середины января открыта регистрация, и можно подать заявки для выступления на этом конгрессе.

И мы приглашаем всех наших знакомых и новых коллег, с которыми мы пока не познакомились, принять участие в этом конгрессе.

Г.В. Семья

Thank you very much, Jenny, it was very interesting. Я хочу сказать, что я участвовала в одной из сессий, которую проводили Дженни и Стин. Я хочу сказать, что это так здорово. Это такая скрупулезная работа, когда ты разбираешь все от начала до конца и начинаешь понимать, как работает тот или иной подход. Вы знаете, что у нас проблема жестокого обращения и насилия тоже является одним из вызовов и устранение этого вызова является очень важной задачей для практиков. К сожалению, у нас обучение в этой области очень отстает от практики. Поэтому всем рекомендую, у кого есть желание, найти способ попасть на эти тренинги.

Я с большим удовольствием передаю слово нашему основному модератору, Рубцову Виталию Владимировичу, президенту МГППУ, президенту Федерации психологов образования России и члену Координационного совета при Правительстве РФ по проведению в Российской Федерации Десятилетия детства.

В.В. Рубцов

Добрый день, дорогие коллеги. Прошу прощения за то, что не смог быть утром. Мы продвигаемся к заключительной части нашей конференции. Вы видите, какие направления работы были, сколько было сделано. Очень содержательные доклады. Мы продолжаем. У нас есть еще два интересных сообщения.

Хочу поблагодарить наших партнеров за участие, с которыми мы прошли этот путь до того, что сегодня обсуждаем построение реестра социальных практик, лучших практик на основе доказательного подхода. А также за то, что мы подобрались к формату этих практик и можем это обсуждать. В марте этот вопрос будет слушаться на Координационном совете, и к концу следующего года мы уже сможем дать прототип реестра.

Очень приятно предоставить слово Ивановой Надежде Анатольевне, заместителю руководителя Департамента АСИ, — для доклада «Реестр лучших управленческих региональных и муниципальных практик в рамках Десятилетия детства».

Н.А. Иванова

Спасибо. Еще раз добрый день, уважаемые господа и дамы. Постараюсь кратко рассказать о работе, которая была проведена в течение этого года. Прошел год с тех пор, как мы впервые собрались на рабочей группе АСИ и начали наш совместный разговор о реестре лучших практик. Разговор был непростой, и сегодня мы впервые рассказываем об этой работе и предварительных результатах.

«Реестр лучших управленческих региональных и муниципальных практик в рамках Десятилетия детства» — так звучит название нашего реестра. Исполнителями, ответственными по пункту №129 плана Десятилетия детства, являются АСИ, Фонд поддержки детей в трудной жизненной ситуации и университет в лице коллег. Хочу прилюдно поблагодарить коллег. Совместная работа была очень интересна и плодотворна.

Мы договорились о том, что реестр будет распределенным. Аркадий Аронович вам показывал распределенный реестр в виде шариков. Распределенный реестр — это проект, схема, состоящая из сегментов. Здесь мы видим реестр управленческих практик — это компетенция АСИ. Есть реестр, который будет создан на базе МГППУ. В сотрудничестве с фондами мы надеемся, что этот инструмент позволит изменить наши представления об оценке социальных практик, технологий, услуг. Потому что уже очень давно многие фонды, организации в стране занимаются самоанализом.

К сожалению, их немного, но, тем не менее, такие организации есть, и они могут стать перспективными точками роста для распространения новой системы, новых подходов к оценке эффективности практик. Конечной точкой для нас является ребенок и семья, поэтому наши с вами практики должны быть эффективными. Для этого мы придумали этот инструмент. Когда мы поняли, что будем «строить», то решили, что АСИ будет делать реестр управленческих, региональных и муниципальных практик в рамках Десятилетия детства.

Управленческие практики — это практики, реализованные на территории региона или муниципалитета, которые доказали свою эффективность, направлены на стратегические задачи, отраженные в национальных проектах. Эти практики имеют очень важные свойства — потенциальную способность к масштабированию и тиражированию. Чтобы отобрать лучшие практики, мы провели конкурс. Мы не ожидали, что получим такое большое количество заявок — более 500. Из них формальным требованиям по форме соответствует 377 заявок.

Больше всего поступило заявок в направлении культурного развития детей, потом современная инфраструктура, всестороннее образование детей и т.д. Самое маленькое количество заявок поступило по теме «безопасное информационное пространство». Ни одной заявки по номинации «доступные и качественные товары для детей» не поступило. Помимо того что мы назовем победителей и эти практики будут размещены в реестре агентства «Смартека» (это наш агентский реестр, где будет размещен наш реестр социальных практик в сфере детства), кроме победителей мы получили огромное количество информации.

Я знаю, что писать заявки — это огромный труд людей, и он не останется без внимания, даже если вы не попали на конкурс. Все эти заявки мы собрали по тематике, и этот большой кейс регионального опыта будет проанализирован, передан в Минэко. Большое спасибо всем, кто написал и отправил на конкурс эти заявки. Вы дали нам огромный объем информации о состоянии социальной сферы в регионах.

Количество допущенных к конкурсу заявок: 46 управленческих региональных заявок и 81 заявка от муниципалитетов попали на конкурс. Все остальное — не по теме конкурса. В остатке: из 500 заявок только 127 заявок по этой тематике допущены до конкурса. Это говорит и об эффективности работы. Значит, не всегда читалось положение, и отдельные специалисты бездумно рассылали эти заявки по учреждениям, которые в конкурсе участвовать не должны.

Экспертизу заявок мы проводили на нескольких уровнях. Первый уровень экспертов — региональные эксперты, потому что получить представительное мнение от всей страны очень сложно. Совместно с Министерством просвещения мы объявили конкурс региональных экспертов. Мы получили около 200 заявок и отобрали 45 экспертов, которые отобрали те самые 127 заявок и на федеральный уровень передали нам 46 заявок, которые на федеральном уровне проверяли федеральные эксперты. Итак, на сегодняшний день мы имеем из 500 заявок 46. Экспертам мы раздали сер-

тификаты. Для нас это очень важный региональный экспертный резерв, с которым мы будем работать в дальнейшем. На следующий год мы планируем соответствующие мероприятия, в рамках которых мы будем работать с экспертами, обучать их и привлекать их к участию в конкурсе 2020 года.

Кроме того, я думаю, это экспертное сообщество будет интересовать и университет, и министерство. Это своего рода уникальный наш опыт, потому что впервые мы получили экспертное региональное сообщество такого уровня, которое охотно будет с нами сотрудничать в дальнейшем.

К финальному конкурсу мы получили 46 заявок, которые уже проверили федеральные эксперты. Мы получили их заключение. У нас есть рейтинг конкурса. Сегодня мы не можем говорить о победителях — они будут названы 25 числа на межведомственной рабочей группе. Но самое большое количество баллов по совокупности набрала Вологодская область с проектом «Мобильные бригады». В понедельник победители будут названы, и эти практики попадут в реестр и будут представлены в Правительстве РФ, переданы в ведомства и будут находиться в библиотеке «Смартека», где можно будет ознакомиться с ними. Там есть инструменты, позволяющие увидеть паспорт практики, оценочные листы. Этот реестр предназначен для руководителей регионов, чтобы успешные практики можно было тиражировать в своих регионах. Кроме того, конкурс стал содержательным мониторингом качества управленческих решений в сфере детства, которые реализуются в регионах.

Мы проводим не первый мониторинг. Наша практика показывает, что из всех практик, которые мы собираем, рекомендованными к тиражированию оказываются только 10%. 4 года назад мы проводили мониторинг в сфере поддержки несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, и получили ровно такой же результат: 265 заявок из 65 регионов, и только 25 практик с натяжкой мы смогли рекомендовать для использования. Сегодня мы получили практически ту же цифру. Во многих заявках мы видим отсутствие навыков описания практик. Многие проекты не были реализованы, а только в процессе, поэтому нет результатов. В большинстве заявок отсутствует самоанализ. Только самоанализ может позволить нам перейти от финансирования процедур и процессов к финансированию результатов — это и есть поворот нашего сознания. Мы не должны отчитываться процессом. Мы должны отчитываться снижением социального сиротства в стране, снижением отказов от новорожденных, ростом благополучия наших семей, ростом защиты наших детей от жестокого обращения и т.д.

К сожалению, очень многие наши коллеги не понимают разницу между управленческой практикой и деятельностью социально ориентированных НКО, то есть технологий и практик. Но нас очень порадовало огромное желание, с которым регионы, отдельные организации, специалисты и обычные люди, не имеющие специального опыта, приняли участие в этом конкурсе. Люди очень хотят общаться, обмениваться опытом, повышать квалификацию. В связи с этим мы наметили шаги на следующий год. Мы продолжим работу по формированию распределенного реестра с нашими партнерами в рамках Десятилетия детства. Мы будем делать 2 реестра — собирать разные практики. На заседаниях координационного совета мы просим рассмотреть вопрос о поощрении тех регионов, которые приносят нам эти практики, и регионов, которые будут брать эти практики на реализацию. Понятно, что простыми грамотами нам здесь не обойтись. Чтобы практика была реализована в регионе, этот регион надо поддерживать. Это уже компетенции Министерства просвещения, Министерства соцзащиты и Координационного совета. С целью повышения эффективности социальных услуг и повышения квалификации наших специалистов, в том числе экспертов, мы в следующем году наметили ряд мероприятий на базе «точек кипения». Таких «точек» у нас в стране 60. Но я думаю, мы сможем объехать, может быть, 10 «точек кипения», провести мероприятия с потенциальными заявителями новых практик в рамках конкурса, который мы проведем в следующем году.

В наши планы входит создание модели управления качеством социальных услуг в сфере детства. Нам бы очень хотелось, чтобы в оценку социальных практик, в их формирование были вовлечены общественные институты. Прежде всего те, что представляют интересы родителей и их детей. Кроме того, хотелось бы вовлечь в работу профессиональные сообщества, социальные общественные институты, которые зачастую имеют мнения, отличные от мнений представителей министерств и ведомств.

На этой оптимистической ноте я заканчиваю свое выступление. Спасибо за внимание.

В.В. Рубцов

Спасибо. Передаю слово Захаровой Марине Васильевне, руководителю Департамента стратегического планирования и мониторинга Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, — для доклада «Детский телефон доверия как уникальная практика оказания психологической помощи детям».

М.В. Захарова

Добрый день, уважаемые участники заседания. М.В. Гордеева в своем выступлении уже отмечала, что психологическая поддержка детей, семей с детьми — это один из компонентов программ Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Я же остановлюсь на проекте фонда, непосредственно направленном на оказание экстренной консультативно-психологической помощи детям. Это проект «Всероссийский детский телефон доверия с единым номером: 8 800 2000 122». Он был введен фондом в 2010 году, в год проведения в России общенациональной кампании по профилактике жестокого обращения с детьми, и предусматривал дополнительную возможность оказания помощи детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, испытывающим на себе жестокость и насилие, — так же как и канал информирования о фактах проявления жестокости и насилия к детям.

Основная задача общероссийского детского телефона доверия — это оказание по телефону квалифицированной консультативно-психологической помощи детям и родителям в момент обращения, в момент возникшей трудной жизненной ситуации или по какому-то проблемному вопросу. Помощь ориентирована на профилактику детского и семейного неблагополучия, проявления жестокости к детям, стрессовых и суицидальных настроений детей и подростков, защиту прав детей и укрепление детско-родительских отношений.

Как я уже сказала, проект существует успешно с 2010 года. С 2010 года на детский телефон доверия поступило более 9 млн. обращений. В настоящее время к единому номеру подключено 222 организации, которые работают во всех субъектах РФ. В этих организациях консультирует более полутора тысяч специалистов — это консультанты и супервизоры. Это специалисты с высшим образованием, психологи либо социальные педагоги, которые проходят дополнительное обучение по вопросам оказания психологической помощи детям по телефону.

Пользуясь случаем, я выражаю благодарность МГППУ, потому что Центр психологической помощи, в частности, Олеся Валентиновна, которая его возглавляет, активно работает с нами. Университет — это наш самый сильный центр, где проходит обучение психологов, работающих на детском телефоне доверия.

Всех нас интересует вопрос эффективности социальной практики детского телефона доверия. Могу сказать, что это архисложно. Все, что касается ментальной области, чувств, переживаний, очень трудно поддается измерению. Помощь, которая оказывается в критических ситуациях, ее очень сложно измерить с точки зрения эффективности. Еще одна трудность объясняется тем, что на том конце находится абонент, в данном случае, ребенок, который не виден консультанту, который неизвестен, который может давать о себе ложную информацию, и вообще непонятно, он действительно обращается с вопросом, который его волнует, или он проверяет, как на том конце ответят.

Тем не менее, несмотря на трудности, телефон доверия работает уже почти 10 лет, и ни Фонд поддержки детей, ни специалисты, которые работают у нас в региональных службах, не сомневаются в нужности такого социального проекта.

Детский телефон доверия — это практика, уникальность которой заключается в том, что это единственная в стране служба, предоставляющая возможность получения консультативной психологической помощи детям. Она работает под единым телефонным номером по всей стране: 8 800 2000 122. Специалисты службы отвечают на обращения, поступающие по любому виду связи, независимо от того где находится абонент (в городе, в селе или еще где-то). Эта служба абсолютно бесплатна для тех, кто звонит. Также детский телефон доверия оказывает по телефону консультативную помощь родителям и специалистам, которые работают с детьми.

Активное развитие технических средств коммуникации и жизнь современных детей, которые вырастают со смартфонами в руках, вызывают рассуждения о том, что телефон доверия постепенно становится анахронизмом. Однако специалисты детского телефона доверия с таким мне-

нием категорически не согласны и уверены в том, что никакие гаджеты не могут заменить непосредственного общения с квалифицированным психологом.

Почти 10-летний опыт выполнения проекта позволяет выявить и сформировать картину психологического благополучия детей. Мы видим среднестатистический портрет ребенка, который обращается за помощью, который больше всего нуждается в помощи. По результатам мониторинга обращений на детский телефон доверия, в структуре звонков преобладают обращения от детей и подростков (около 59% от общего числа звонков на единых номер). Среднестатистический абонент — это подросток 13–16 лет. Чаще всего звонят девочки, особенно девушки 14–16 лет. Также звонят и совсем юные абоненты, 4–5 лет, но это, конечно, гораздо реже.

Гендерные стереотипы пока еще очень существенны. Мальчики стесняются обращаться к психологам. Им кажется, что это проявление слабости. Также сказываются традиционные установки воспитания мальчиков в семье, базирующиеся на принципе, что мальчик — это будущий мужчина, а мужчины не плачут. В результате мы сталкиваемся с агрессией, самоагрессией со стороны мальчиков-подростков.

Следующая характеристика уникальности детского телефона доверия связана с возможностью диагностировать проблемные зоны, представляющие угрозу психологическому здоровью детей. Мониторинг ведется не только по количеству звонков и половозрастному составу абонентов, но и по тематике обращений. Это дает возможность формирования зон тревожного внимания для профессионального сообщества, для системы государственных органов и учреждений, которые работают в сфере детства. Таким образом, детский телефон доверия — это инструмент выявления таких зон.

Наибольшее количество обращений, поступающих на детский телефон доверия от детей и подростков, примерно 70%, связано с личностными проблемами детей: самоопределение, выбор профессии, переживание различных страхов, школьные трудности, сдача экзаменов, отношения с учителями, справедливость выставленных оценок, вопросы оценки своей внешности, вопросы дружбы, любви и т.д. Такая тематика, наверное, нормальна для переходного возраста. Но надо отметить, что, согласно недавно проведенному социологическому исследованию, в целом дети рассматривают телефон как возможность доверительного диалога. Нашим детям не хватает уважительного общения, в котором они могут чувствовать себя равными с тем, кто с ними общается, а уже затем они рассматривают детский телефон доверия как возможность получения полезного совета специалиста для разрешения той или иной трудной жизненной ситуации.

Следующие темы по числу поступающих обращений — это детско-родительские отношения и конфликты со сверстниками. Эти проблемы имеют тенденцию обострения по мере взросления детей. В старших классах наиболее остро стоит проблема буллинга. Жестокое обращение среди сверстников особо проблемно для детей сибирского региона. Детский телефон доверия позволяет географически определить, в какой точке та или иная проблема стоит наиболее остро.

Тяжелая тема — тема суицидов. Количество таких звонков с 2015 по 2018 год на детский телефон доверия выросла на 25%. С одной стороны, это может означать рост открытости детей, подростков, их готовность говорить с психологами на эту сложную тему. С другой стороны, видимо, сама суицидальная тема становится все более острой, и ей необходимо уделять как можно больше внимания в работе с детьми и подготовке психологов-консультантов.

Сексуальное насилие — вторая по тяжести тема звонков на детский телефон доверия, которая в силу ряда причин является самой табуированной. Как вы знаете, многие дети, испытавшие сексуальное насилие, боятся признаться в этом не только в личном общении, но даже при анонимном разговоре с психологом. Подростку невыносимо тяжело признаться, что с ним такое происходит в семье.

Все больше возникает запросов на консультации по вопросам половой идентичности ребенка. Многие делятся своими переживаниями по поводу своей сексуальной ориентации. Несмотря на доступность информации на эту тему на просторах интернета, подросткам не хватает серьезного просвещения по сексуальным вопросам. Поэтому они просят помощи у психологов детского телефона доверия.

Можно много говорить о темах — их очень много. Но ввиду ограничения времени переключусь на взрослых, на родителей и других взрослых, которые звонят на детский телефон доверия. Уни-

кальность практики детского телефона доверия мы видим еще в том, что, несмотря на то что это помощь, адресованная детям, мы предоставляем помощь и родителям по вопросам воспитания детей, формирования отношений с детьми. Статистика детского телефона доверия говорит о том, что родители звонят значительно реже детей, но постепенно доля родительских звонков растет, что, видимо, означает рост доверия к «детскому телефону». Актуальными вопросами для родителей являются вопросы формирования и развития личности ребенка, психологического и соматического здоровья, вопросы построения правильных взаимоотношений с детьми.

Консультанты детского телефона доверия объясняют низкую обращаемость родителей на телефон доверия неразвитостью в России культуры обращения за помощью психологов. Для кого-то барьером для обращения является тот флер карательной функции, которая окружает детский телефон доверия. Его создатели в большей степени — журналисты и родительские активисты, которые считают, что детский телефон доверия вносит раздор между детьми и родителями, что он воспитывает доносчика, и после звонка ребенка на детский телефон доверия надо ожидать прихода в семью органов.

На самом деле одна из задач детского телефона доверия, даже главная задача, — это нормализация внутрисемейного климата за счет снятия остроты конфликтов как у ребенка, так и у родителей, определение алгоритмов действия для восстановления детско-родительских отношений, смягчение семейных конфликтов. Часть звонящих — это взрослые, которые звонят со своими проблемами, никак не связанными с детьми. Они не знают, куда еще обратиться со своими вопросами. К сожалению, в первичном звене медицинской помощи не предусмотрены должности психотерапевтов и психиатров. Куда обратиться бабушке, которая плачет о том, что ее обижают или забыли внуки? С кем поговорить женщине, которую бросает муж? Где, кроме суда, можно поделить детей между разводящимися родителями? У многих до сих пор сильно убеждение, что обращение за психологической помощью — это клеймо на всю жизнь. До сих пор путают психиатрическую и психологическую помощь. У многих вызывает страх, что будет, если станет известно, что человек обратился за помощью по таким вопросам.

Я не утверждаю, что служб психологической помощи у нас в России нет. Они есть, но их, наверное, мало и о них нет достаточной информации. В значительной степени они платные, а детский телефон доверия доступен для всех. Консультант, который поднимает трубку на звонок, работает с любым абонентом. Одна из проблем повышения результативности работы детского телефона доверия — освободиться от взрослых с их взрослыми проблемами. Надеюсь на работу психологов, которые здесь присутствуют, в том плане, что психологические службы для взрослых будут развиваться, будут разные по тематике и доступные.

Детский телефон доверия будет развиваться. В следующем году мы отмечаем 10 лет детскому телефону доверия. Мы все идем к цели «80+». Хорошо, чтобы граждане, достигающие этого возраста, были не только физически активными, но и психически здоровыми. В достижении такой цели детский телефон доверия выполняет важнейшую общественную миссию — формирование психологической культуры граждан начиная с детского возраста. Работа телефона доверия — это еще и огромная просветительская работа, которая сопровождается рекламными акциями, встречами специалистов с детьми с целью разъяснения, с какими вопросами дети могут обращаться, какую помощь получить и что за это они ничего плохого в ответ не получат. Фонд и дальше будет развивать этот проект, обеспечивая поддержку психологического здоровья детей, их родителей, защищая безопасность наших детей. Спасибо за внимание.

В.В. Рубцов

Спасибо. По результатам нашей конференции будет написана резолюция, которая попадет на стол правительственной комиссии, которая будет рассматривать формат работы с лучшими практиками РФ.

Переходим к презентации результатов работы наших симпозиумов. Предоставляю слово Гарифулиной Эльвире, которая расскажет о своей секции «Ребенок и его право на семью».

Э.Ш. Гарифулина

Спасибо большое, коллеги. У нас было несколько блоков в обсуждении практик с доказанной эффективностью в сфере детства, а именно: возможности ребенка жить и воспитываться в семье. Мы познакомились с международным опытом, в частности, Финляндии и более широко Скандинавии.

динавии, а также Великобритании. Мы рассмотрели практики, создатели которых попробовали описать то, что они делают со стандартом доказательного подхода. Несколько практик уже прошли независимую верификацию — внешнюю. Создатели практик рассказали, как им удалось собирать доказательную базу. Также они обозначили сложности, выявленные на настоящий момент. Авторы всех практик, прошедших верификацию, сказали, что верификация — это не так страшно, как они себе представляли. Все это прекрасно работает для организаций любого типа, в том числе госучреждений. Это могут быть большие и маленькие организации. Мы посмотрели, что принимают органы власти, чтобы тоже выйти на доказательный подход в принятии решений по вопросам детства. Мы познакомились с интересными научными исследованиями по сложным вопросам, таким как развод родителей, — какая практика наиболее эффективна в таком случае.

Мы поняли, что есть два фокуса при выборе системы поддержки ребенка или семьи: когда первичной считается оценка рисков и когда первичны поддерживающие услуги. Нам показалось, что в нашей стране скорее будет принят подход, основанный приоритете поддерживающих услуг. Но при этом фокусировка на рисках тоже должна присутствовать. Она должна быть встроена в подход, акцентирующий внимание на поддерживающих услугах.

Звучали проблемы, связанные с управлением и внедрением, оценкой практик. Важен стратегический подход. Прозвучала мысль о том, что мы разбирали практики с доказанной эффективностью. И важно, чтобы лица, которые принимают решения, тоже погружались в эту тему и вместе с экспертами, внедряющими эти практики, приходили к пониманию, чем именно отличается результативная и эффективная практика от неэффективной.

Было выявлено, что у нас недостаточно проработан вопрос комплексной психологической работы с кровной семьей и помещением ребенка на временное размещение в детское учреждение. На эту тему тоже появились практики, претендующие на доказанную эффективность. Но более проработаны практики, которые работают с замещающими семьями.

Классическая практика с доказанной эффективностью опирается на 3 кита: мнение и опыт специалистов-практиков, обратная связь, в результате которой специалисты узнают о реальных потребностях детей и семей, ради которых практика реализуется и научные данные, исследования, которые подтверждают эффективность (или неэффективность) конкретной практики. Вчера специалисты обсуждали, что не всегда рандомизированные исследования могут быть применимы в нашей сфере деятельности, но это не отменяет научный подход. Всегда есть возможность по-другому получить данные. Помимо количественных данных важно собирать и анализировать качественные данные качественными методами.

Отдельно важны лонгитюдные исследования, потому что они позволяют говорить об устойчивости результатов работы исследователей-практиков. Имеет смысл заниматься этим не только госструктурам, но и самим исследователям, которые поддерживают связь после успешно закрытого кейса.

Важно не бояться перед пилотом, запуском чего-то нового проводить проверку своими силами. Была подсказана идея с привлечением представителей вузов, которые могут применить на практике свой научный потенциал. Коллеги говорили о важности доказательной базы, которая хороша не только для доноров, но и мотивирует самих специалистов, которые работают внутри этой практики. В частности, нам был представлен опыт организации, которая работает с детьми с тяжелыми множественными нарушениями развития. В такой ситуации позитивные изменения настолько малы, что зачастую невооруженным глазом их просто не видно. В таких случаях доказательная база помогает мотивировать и увидеть самим специалистам свой вклад в изменение качества жизни детей.

Спасибо большое всем коллегам, которые вчера активно принимали участие в работе нашей секции.

В.В. Рубцов

Спасибо большое. Следующий симпозиум — «Инклюзивные практики в общем образовании». Пожалуйста, Светлана Владимировна Алехина.

С.В. Алехина

Спасибо большое. Наш симпозиум прошел на базе Федерального ресурсного центра по организации комплексной помощи детям с расстройствами аутистического спектра. Было около 50

человек. Понимаю, что даже лексика обсуждения на нашем симпозиуме существенно отличается от нашего доклада. Мы пока не мыслим, не говорим в таких понятиях, только начинаем осваивать методологию доказательного подхода. Я говорю о сообществе в целом, которое вчера собралось, которое сегодня развивает инклюзивную практику по стране. Люди в этом плане представляли свои проектные замыслы, свои проектные реализуемые программы, свои разрывы, противоречия, точки непонимания для обсуждения и анализа.

Из обсуждения мы выделили, что в сфере практической реализации инклюзивного образования есть успешные ресурсные практики, когда коррекционная школа становится ресурсной организацией для обычной, массовой школы. Вчера именно этот практический кейс обсуждался как практическая реализация. Второе — это все, что связано с региональными моделями и программами развития ранней помощи. Было интересное выступление из Омской области заместителя министра образования, который представлял региональную модель развития ранней помощи детям с инвалидностью и их семьям. Сам замысел — большой региональный системный проект, к которому применим доказательный подход. Третий момент — все те коррекционные практики, которые приходят в инклюзивную школу вместе со знанием о коррекционной педагогике и специальной психологии, именно на уровне малых практик. Особенно с нозологической группой расстройств аутистического спектра. Долго обсуждались арт-педагогические практики в работе с дошкольниками, особенно в группах кратковременного пребывания, там, где есть тяжелые дети, с сочетанными дефектами. Был интересный кейс по представлению успешности этой работы.

Тьюторские практики — это целый плацдарм, чтобы обсуждать, как тьютор инкорпорируется в сообщество профессионалов школы, каким образом он выстраивает модель кооперации своих профессиональных целей с другими педагогами школы. Нам показалось, что это очень важная тематика, которую нужно сделать самой обсуждаемой.

По-прежнему важно, что мы начинаем распочковывать статью № 15 ФЗ, связанную с сетевыми практиками реализации инклюзивного образования. Пока еще сложно нашим школам открывать свои двери и выходить на государственные и негосударственные, образовательные и необразовательные организации, чтобы стать доступными для сообщества на территории, где находится эта школа. Тут очень много вопросов, связанных с сетевыми инструментами, которые рожают сетевую практику. Наверное, это больше стартапы.

Практики работы с родителями очень увлекли наше обсуждение. Мы никак не можем встать на устойчивую парадигму, связанную с сотрудничеством родителей и школы, с уровнем доверия, который бы рождал эффективные практики школы в работе с родителями, особенно с детьми с инвалидностью и особыми детьми.

Последний, самый красивый с точки зрения иллюстрации, сюжет — представление организационно-управленческой практики, которая эффективно решила проблему взаимодействия школы и ПМПК. Проблема в том, что родители детей, которым школа рекомендует получить рекомендации по специальным условиям и адаптации программы, не хотят годами идти на ПМПК, из-за чего ребенок остается без специальных условий, без которых не может быть обеспечен его индивидуальный прогресс ни в развитии, ни в обучении. Это такой глухой конфликт школы и родителей. Екатеринбургский опыт оказался полезным: в каждой школе создан маленький уголок ПМПК, где представлены фотографии людей, которые работают в этой ПМПК, ее адрес, как она работает. Это снижает определенные страхи, тревоги родителей и делает эту ПМПК более психологически доступной для родителей конкретной школы. Многие могут перенять эту практику и работать в ней. Как оценивать ее эффективность — это вопрос завтрашнего дня.

Мы пришли к общему выводу о том, что найти качественную инклюзивную практику сегодня очень сложно. Упреки, которые адресуются в адрес формального развития инклюзивного процесса, — имеют под собой основание. Сегодня очень остро встал вопрос не только о развитии рефлексии педагогов и руководителей школ (как об интеллектуальном инструменте, позволяющем понимать, достигаем ли мы результата), но и об оценке, о внешней экспертизе инклюзивности или инклюзивных образовательных сред в образовательных организациях. Конечно, для этого нужен пул экспертов, которые владеют знаниями, связанными с тем, какой должна быть инклюзия и как она должна развиваться. Мы понимаем, что нужны качественные исследования и лонгитюдные измерения, чтобы мы могли говорить о качестве инклюзивных практик и оценивать каждую из них отдельно.

Федеральный ресурсный центр, как организация федерального значения, и Институт проблем инклюзивного образования нашего университета готовы выходить с организацией экспертизы, оценки, предлагать здесь свои инструменты региональным органам управления образования и отдельным образовательным организациям, которые заинтересованы в такой рефлексии и в организации всех исследований, связанных с доказательным подходом в сфере развития инклюзивного процесса.

В.В. Рубцов

Спасибо. Я предоставляю слово Олесе Валентиновне Вихристюк, которая возглавляет Центр экстренной психологической помощи. Тема ее симпозиума — «Профилактика суицидального поведения несовершеннолетних».

О.В. Вихристюк

Спасибо большое. Уважаемые коллеги, на нашем симпозиуме всего прозвучало 10 докладов. В основном, докладчики были из 3 регионов: Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Иркутск и Иркутская область. В докладах освещались темы профилактики агрессивного поведения обучающихся с использованием оружия (так называемый «schoolshooting»), факторов, провоцирующих данное поведение, сексуального злоупотребления по отношению к несовершеннолетним посредством сети Интернет (или онлайн-груминга), форм и методов предупреждения суицидального аутоагрессивного поведения обучающихся в общеобразовательных и коррекционных учебных организациях. В докладах был представлен опыт региональных практик по выстраиванию профилактических программ, в том числе с межведомственным участием, с формированием межведомственного взаимодействия. Было два доклада из Иркутской области, представляющих управленческий опыт выстраивания системной работы в данном направлении. Ряд докладчиков остановились на эффективности технологий и методов, применяемых в области профилактики суицидального поведения.

У нас была интересная дискуссия после каждого доклада. Один из самых острых вопросов — вопрос необходимости создания реестра валидных методик, рекомендованных для психологической диагностики, которые направлены на исследование факторов суицидального поведения несовершеннолетних, аутоагрессивного поведения. В настоящее время формирование диагностического пакета таких методик, в основном, в регионах отдано на откуп психологическим службам образовательных организаций. На формирование этих методик тратится большое количество времени, а их валидность и эффективность требует длительной проверки на практике и больших ресурсов. В связи с этим было общее пожелание (скорее всего, это Министерство просвещения РФ) рассмотреть возможность создания реестра таких методик, рекомендованных для различных возрастных групп в образовательных организациях.

Еще один вопрос, связанный с методической поддержкой, — вопрос об оснащении соответствующим методическим инструментарием психологических служб коррекционных образовательных организаций, где очень остро стоит вопрос об аутоагрессивном поведении несовершеннолетних с интеллектуальными нарушениями и иными видами нарушений психического развития.

Другой остро прозвучавший вопрос в нашем обсуждении — системное и регулярное повышение квалификации специалистов системы профилактики, особенно что касается профилактики суицидального и агрессивного поведения среди несовершеннолетних. Это особая тема, которая сложно и неоднозначно понимается, сама структура профилактики, педагогами-психологами и иными специалистами системы профилактики. Здесь необходимо постоянное повышение квалификации. Имеет смысл отдельно рассмотреть вопросы поддержки таких специалистов в части профессионального выгорания и супервизорской поддержки таких специалистов после работы со случаями завершённых, незавершённых суицидов и т.д.

Еще один вопрос, который у нас обсуждался, — вопрос возможности нормативного закрепления или рекомендации по нормативному выделению определенного времени в расписании образовательных организаций для проведения профилактической работы психолого-педагогическими службами. Потому что на практике они обязаны проводить профилактическую работу, но времени, особенно в старшем и среднем звене, фактически в расписании не выделяется.

Последнее предложение прозвучало, что необходимо создать реестр лучших практик для общего доступа, но мы знаем, что в сентябре состоялось заседание правительственной комиссии

по делам несовершеннолетних, и одним из поручений являлось формирование реестра лучших практик в сфере профилактики суицидального поведения. Как раз Министерство просвещения сейчас этим вопросом занимается, так что это поручение уже фактически будет выполнено.

Анализ эффективности практик должен строиться на знании современных тенденций в области профилактики, на результатах современных научных исследований, которых сейчас не очень много, к сожалению. По крайней мере, доступных для практиков.

Спасибо.

В.В. Рубцов

Спасибо. Методик большое количество, и мы не знаем, что мы можем передать. Главное — это вопросы, связанные с трансляцией этих методик.

Четвертый симпозиум — это «Поддержка и развитие детей, проявивших выдающиеся способности». Передаю слово профессору Шумаковой Наталье Борисовне из МГППУ.

Н.Б. Шумакова

Наша секция продолжает линию вопросов и пожеланий, которые прозвучали на предыдущих секциях. Первое, что волновало, — вопрос о доказательности практик поддержки детей с выдающимися способностями, который сейчас имеет большое распространение. Необходимо интенсивными темпами этот вопрос решать, потому что доказательности никакой пока нет. Практики существуют. Есть предварительные оценки эффективности практик, но специалисты и представители разных уровней этот вопрос ставят.

В нашей секции приняло участие более 60 человек. Были представлены разные регионы. География широкая была: Республика Коми, Республика Саха, Алтайский край, Владимирская, Липецкая область, Саратовская, Челябинская, Москва, Санкт-Петербург и даже ближнее зарубежье — у нас были гости из Азербайджана. Всех нас объединяла озабоченность отсутствия доказательности применяемых практик как по отношению к детям, проявившим выдающиеся способности, так и к тому диагностическому инструментарию, направленному на выявление, отслеживание результатов развития, который мы применяем. Запрос был четкий: мы нуждаемся в реестре доказанных инструментов, которые можем использовать, и подробных руководств, которые позволяют иметь доступ широкому кругу специалистов, работающих с этой категорией детей.

Второе, что было отмечено, — это сама постановка вопроса, отраженного в законе об образовании. Это формулировка: «поддержка развития одаренных детей, проявивших выдающиеся способности». Здесь возникают ножницы между научным, практическим пониманием и тем, что обозначено в документах. Потому что четко было сформулировано как с точки зрения науки, так и практики, что когда мы ограничиваем поддержку только детьми, которые уже проявили выдающиеся способности, то мы существенно сужаем сферу своей работы. Потому что способности развиваются в процессе взаимодействия со средой. Говоря о младшем, подростковом возрасте, мы имеем дело с детьми, имеющими потенциальную одаренность, которые еще не имеют выдающихся достижений. Эта группа детей упускается из поля внимания государственной опеки, потому что если они еще не проявили достижений, то не попадают в систему поддержки, которая хорошо разворачивается на уровне создания региональных центров поддержки, кванториумов, мобильных кванториумов и т.д. Здесь нужны консолидированные усилия научных исследований, государственной политики в области коррекции самой формулировки, которая направлена на селекцию, а не на развитие потенциала детской одаренности. Это очень важно и что-то с этим надо делать.

Кроме того, на наш взгляд, была поднята интересная проблема, касающаяся вариантов рисков искажения личностного развития одаренных детей, так называемых неоправданных надежд, отсутствия морально-нравственной ответственности у этой категории детей (не у всех, конечно), о смысловой опустошенности, которая возникает. Мы вновь поднимаем старый вопрос о гармоничном развитии личности, который имеет отношение именно к этой категории детей, которых мы усиленно сейчас поддерживаем через замечательные центры поддержки «Сириус» и «Малый Сириус» во всех регионах. При этом идет усиленная интеллектуализация, теряются многие вещи, которые потом приведут нас к неоправданным надеждам государства, когда деньги вкладываются в поддержку, а выхода никакого не будет, или он не тот, какой ожидается. Поэтому усиление внимания к вопросам воспитания и гармоничного развития личности четко прозвучало.

Опять поднимался вопрос о психолого-педагогических кадрах для работы с одаренными в самом широком понимании детьми. Пока этот вопрос недостаточно проработан. Пока что мы идем вслепую: кого мы готовим, как, по каким стандартам. Эти критерии не очень понятны. Каждый регион это делает по-своему. Есть дефицит обратной связи: в какой мере это обосновано и доказательно эффективно.

Еще один запрос — нужны более продуманные исследования в этой области, которые бы обеспечили доказательную практику. Нужна объективная практико-ориентированная связь научных исследований с практикой.

Пожалуй, все. Мы попытались сформулировать основные предложения, которые я озвучила, где речь идет о том, что надо, с одной стороны, распространять новые модели, но с другой стороны, проводить исследования, говорящие об их доказательности, чтобы рекомендовать к распространению. Нужно менять некоторые приоритетные задачи по развитию детской одаренности, в частности, не забывать о воспитании и гармоничном развитии личности, что требует и внедрения других подходов к поддержке таких детей. Не только углубление и предметоцентрированность, но и широкие практики, связанные с развитием социальных умений, творческих способностей и т.д.

Спасибо большое.

В.В. Рубцов

Спасибо большое. Хочу поблагодарить наших липецких коллег за то, что они приехали. У них прекрасный центр, где ведутся работы, связанные с обучением, сопровождением и поддержкой детей, имеющих такие способности. Ваша работа очень чувствуется.

Наша следующая секция называется «Профилактика агрессивного криминального поведения». Предоставляю слово Шпагиной Елене Михайловне, профессору кафедры юридической психологии.

Е.М. Шпагина

Хочу сразу сказать, что наш пятый симпозиум был представлен очень интересными практиками, географически очень широко. У нас присутствовали иностранные коллеги — это Сергей Аруин, руководитель Интеграционного союза г. Дюссельдорф, Германия. Он представил доклад «Современные проблемы, риски взросления в Германии. Новые технологии и метод преодоления радикализации, дезадаптации и криминализации современной молодежи в группах риска». У них очень интересный проект, где они работают именно в сети Интернет. Дальше, у нас был гость из Израиля с интересным проектом. Сейчас наши магистранты и бакалавры отправляются туда изучать эти практики. Из Хельсинки тоже был представлен интересный доклад по проекту «Дети вокзала» и представлена практика медиации, чем наш факультет тоже занимается. Очень интересная информация была представлена из Испании о ресурсах и профилактике подготовки в области социальной интеграции. У нас были наши интересные ученые, которые давно работают в системе профилактики девиантного поведения. Это Т.И. Шульга, Е.Н. Волкова, Л.М. Карнозова, которая много лет посвятила созданию системы восстановительного правосудия в России. И она рассказала, с чем они на протяжении многих лет столкнулась, о том, что самую ценную информацию дают качественные исследования, о том, как формируются практики и как они внедряются в деятельность.

Участие приняли не только ученые, но и рядовые психологи, которые каждый день работают с детьми.

Т.И. Шульга рассказала, как они организовали исследование и практическую работу на базе детской комнаты полиции. Очень много было вопросов не столько о том, как работать с детьми, а как работать с родителями.

На нашем факультете реализуется программа «Доказательное проектирование и оценка программ профилактики рисков в области детства». Многие присутствующие здесь практики и ученые — у нас преподают. Этот вопрос доказательных практик и оценки красной нитью у нас проходит через все обучение. Для нас это очень интересно.

Кратко озвучу, какие идеи и предложения были выработаны в ходе симпозиума.

Первое: разработать под патронатом Федерации психологов образования программу поддержки экспериментальных и апробационных площадок России профильных вузов, закрепить их ста-

тус соответствующими правами и обязанностями. Это позволит поддержать специалистов, которые вносят значимый вклад в разработку программ, например, профилактики девиантного поведения школьников, принимают на себя ответственность за организацию, развитие психологически благоприятной среды не только в своих учреждениях, но и транслируют свои достижения в образовательном сообществе своих территорий.

Как человек, который занимался инноватикой в рамках своей диссертации, хочу сказать, что путь инноватора очень тернистый и трудный, внедрять практики сложно. Существует психологический барьер. Очень важно поддерживать людей, которые ведут за собой других.

Второе: разработать систему мотивирующих стимулов для педагогов, психологов, социальных педагогов, представителей администрации, осуществляющих апробацию и внедрение практик и технологий профилактики рисков детства.

Третье: система подготовки, потому что новшество не будет внедряться без обучения. Часто система подготовки и будет мотивирующим фактором.

Еще один момент: разработать систему поддержки вузов и профессиональных объединений, которые осуществляют информационную и научно-методическую поддержку образовательных учреждений и социально ориентированных НКО, включенных в экспертную экспериментальную деятельность по апробации и оценке эффективности программ. Предоставить возможность вузам и научным центрам, реализующим научно-методическое сопровождение исследований эффективности практик, аккредитовывать экспериментальные и апробационные площадки.

Следующий момент, который хотела озвучить: необходимо осваивать и развивать новые, исследовать уже реализуемые практики, в том числе международные, через систему экспертных профессиональных обменов, сетевых и обучающих обменных программ.

Прозвучал вопрос, что программы исследований, апробации, внедрения профилактических практик всегда лонгитюдные и требуют более длительного цикла поддержки. Важно учитывать, как практика развивается во времени.

Спасибо.

В.В. Рубцов

Спасибо большое. Обратите внимание, это реальное предложение по созданию института экспертизы, который должен построить систему независимой оценки этих практик. Спасибо большое. Мы обязательно это будем делать и в ближайшее время сделаем предложение по тому, как строить эту работу, тем более сейчас она продвигается и в тех ведомствах, которые оценивают наши результаты.

Хочу предоставить слово руководителю следующего симпозиума «Анализ психолого-педагогических программ и технологий в образовательной среде» профессору Романовой Евгении Сергеевне, директору Института психологии и социологии социальных отношений (это институт в МГПУ).

Е.С. Романова

Спасибо. Уважаемые коллеги, по поручению И.В. Дубровиной и Ю.М. Забродина я сделала анализ, результатами которого хочу с вами поделиться. Ну, во-первых, то, что касается конкурса, то в нем приняло участие 95 проектов в 7 номинациях. Больше всего программ представлено в номинациях «профилактические психолого-педагогические программы», «программы коррекционно-развивающей работы», «образовательные и просветительские психолого-педагогические программы», «программы коррекции», «развивающие психолого-педагогические программы». Самое маленькое количество работ — в номинации «программы развития психологической службы в системе образования». Но я думаю это по причине того, что номинация введена первый год.

36 субъектов РФ приняли участие в конкурсной программе. Самое большое количество — это Москва и Московская область. Остальное — средние значения, характерные для большинства регионов. Программы-лауреаты — 40 программ, образовательные и просветительские программы: из 16 — 10; из развивающих психолого-педагогических: из 13 — 8 программ; программы психологической коррекции нарушений поведения: из 14 — 7 программ; профилактические программы — 21, самое большое количество, и всего 6 прошло в номинации. Самое маленькое количество, к сожалению, это технологии психолого-педагогического сопровождения участников обра-

зовательного процесса. Было представлено 12 работ, из которых только 3 прошли. Программы развития службы — я уже говорила.

С точки зрения наиболее актуальных областей деятельности психологов в образовании я объединила в группы программы-лауреаты, представленные на конференции. Это просветительская работа, развивающая работа, профилактическая и коррекционная. Здесь представлены все основные области работы психолога. Сильные конкурсные работы, ориентированные на дошкольников или младших школьников. Работа с контингентом средней и старшей школы проработана в конкурсных программах меньше. В качестве положительных результатов хотелось бы отметить: на экспертизу поступило большое количество работ специалистов-педагогов в разных субъектах Федерации, что подчеркивает значимость такой работы в системе образования. Темы, представленные на конкурс, отличаются актуальностью и важностью для системы образования в связи с модернизацией. Неоспоримой заслугой всех работ является желание авторов усовершенствовать конкретный вид деятельности путем выдвижения своего проекта. Представленные программы являются адресными, разработанными или модифицированными для конкретных образовательных учреждений или определенных субъектов образовательной среды. Программы-лауреаты отличаются четкой структурой, логикой и являются готовым образовательным продуктом. Программы-лидеры ориентированы на решение поставленных задач комплексно, с привлечением всех участников образовательного процесса с учетом специфики выбранного контингента. В развивающих психолого-педагогических программах основной акцент делается на развитии эмоциональной сферы детей и подростков. Несмотря на единую направленность — средства и технологии, описанные в программах, весьма разнообразны. Имеются оригинальные решения подбора методического инструментария. Большое количество работ-лауреатов посвящены деятельности в дошкольных учреждениях.

Разделы программы технологий, которые, с нашей точки зрения, требуют внимания:

теоретическая проработка по выбранной проблеме практической деятельности с акцентом на современные концепции, существующие разработки;

соотнесение целей и задач с актуальными проблемами в образовательной и социальной средах, инновационная составляющая предлагаемых программ должна быть самой весомой и значимой;

методическое обеспечение для решения диагностических и коррекционных задач, привлечение возможностей современных цифровых технологий в реализацию целей и задач работы педагогов-психологов.

Какие предложения, с нашей точки зрения, на сегодняшний день будут полезны для развития этого направления? Первое, мы считаем, что нужно создать банк данных программ, технологий, которые являются лучшими практиками в деятельности педагогов-психологов. Например, направленных на:

развитие проектной исследовательской деятельности в образовательных организациях с подключением потенциала профильных вузов,

продвижение лучших практик, программ, технологий в регионы, то есть разработка технологий внедренческой практики,

развитие сетевой организации по взаимодействию и координации проектной деятельности образовательных организаций и вузов,

организацию курсов повышения квалификации в регионах,

развитие различных форм конкурсных работ (практикоориентированные, научные и научно-исследовательские разработки),

определение наиболее актуальных направлений психолого-педагогической работы, в частности, разработки программ с особой тематикой (суициды, работа с несовершеннолетними правонарушителями и т.д.).

Последнее: хотелось бы, чтобы специализация программ для работы в разных типах учреждений (школы, дошкольные учреждения и т.д.) была адресной.

К сожалению, до апробации программ и технологии мы пока не дошли. Самое главное — внедренческая составляющая. Она требует позиции всех участников образовательного процесса.

Какие задачи внедренческого этапа психолого-педагогических проектов? Необходима разработка протоколов сотрудничества, регламентов взаимодействия, разной формы взаимодействия, механизмов психолого-педагогической поддержки, формирования приятной психологической среды и развитие современных форм диалога, в том числе онлайн. В заключение хотелось бы сказать, что нужно внимательнее организовать работу, направленную на подготовку и реализацию мер, обеспечивающих помощь педагогам-психологам в работе по повышению качества создания, апробации и реализации авторских оригинальных инновационных программ, — может быть, в виде методических материалов для участников. Также нужно обратить внимание региональных отделений, организаций, представляющих материалы на конкурс, на необходимость выполнения требований к содержанию при отборе на конкурс программ, повышения контроля за качеством присланных материалов.

При награждении была приподнятая эмоциональная обстановка. Думаю, присутствующие здесь, кто был на нашем симпозиуме, остались удовлетворены и объективной оценкой работы, и желанием работать дальше. Спасибо.

В.В. Рубцов

Спасибо. Действительно, мы собрали большое количество практик. Это организация работы школьных психологов. Этот конкурс идет уже который раз. Фактически, банк данных накоплен. Эту историю нужно будет ранжировать. С точки зрения доказательного подхода, мы уже можем начинать работать с региональными отделениями, давать им эти инструменты с рекомендациями для использования в собственной практике.

У меня есть проект решения от организаторов симпозиума «Воспитание — основа качества образования. Лучшие практики». Не буду его зачитывать. Хочу сказать, что это одна из сложных задач — как подойти к вопросу воспитательных практик. В работе этой секции участвовали, в том числе, представители школ, которым удалось достичь особенно высоких результатов в решении проблемы, как включить воспитательную практику в процесс образования. Например, это школа Казарновского «Класс-центр», школа Шарикова при Центре имени Димы Рогачева, где обучаются дети с онкологическими заболеваниями, «Школа Успеха» и другие. Докладчики отмечали, что эмоциональное отношение детей, имеющих проблемы, становится для них мощным фактором воспитания и развития. Большое спасибо коллегам. Заключение будет опубликовано.

Кто-нибудь хочет сказать какие-то слова в адрес конференции? Сказать, что все было плохо, или пожелание, чтобы никогда больше не собирались, — что-то в этом роде.

Участник из зала

Я представляю учреждения среднего профессионального образования. Это колледжи. Хочу выразить огромную благодарность организаторам. Прекрасное содержание конференции, замечательные условия для работы, доброжелательность, очень хорошая информационная поддержка. Огромное вам спасибо, коллеги! Колоссальный опыт. Приехав в Уфу, уже 29 ноября я проведу региональный семинар. И сейчас я пишу коллегам: «Уважаемые коллеги, мне есть чем с вами поделиться». Большое вам спасибо!

В.В. Рубцов

Спасибо.

Коллеги, у нас было зарегистрировано на нашей конференции почти 500 человек. Это много людей. Приехали люди, равнодушные по отношению к своим практикам. Проблема в Российской Федерации такова, что идеи, смыслы и цели реализуются в очень интересных практиках, но мы часто не знаем, какова ценность данной работы. Поэтому мы проводили эту конференцию с надеждой, что удастся продвинуться в вопросах доказательности самих практик. Нам кажется, это удалось. Мы подбираемся к самой идее создания реестра лучших практик, основанных, в том числе, на доказательном подходе.

У нас присутствовало 68 регионов РФ. Это много для нас. Очень хорошо, что люди приехали. Спасибо большое всем, кто откликнулся на наше приглашение.

Хочу поблагодарить наших иностранных коллег, которые тоже нашли время и возможность приехать к нам. Думаю, вы здесь провели время не зря. Мы вам очень благодарны за опыт, которым вы с нами делитесь. Галина Владимировна станет председателем редакционной коллегии нашего

нового журнала, и мы приглашаем вас войти в редакционный совет нашего журнала, заняться представлением в России опыта, наработанного в области социальных практик, которые получили определенные доказательства и могут транслироваться. Для нас большая проблема — проблема трансляции.

Хочу поблагодарить наших партнеров. Это Фонд Тимченко. Эльвира, спасибо Вам большое. Благодарю Фонд поддержки детей в трудной жизненной ситуации. Мы работаем с вами по целому ряду программ. Вы настоящие наши партнеры. Огромное спасибо АСИ, которое попало в организаторы и главные ответственные по данному вопросу. Именно им предстоит аккумулировать весь опыт и докладывать в Правительстве о результатах работы по пункту №129 — создание реестра лучших практик на основе единых критериев оценки. Хочу поблагодарить сотрудников нашего университета. Когда мы начинали с Аркадием Ароновичем, мы не думали, что доведем дело до результата. Нам это удалось.

В заключение хочу, чтобы мы все похлопали Олеся Игоревне. Это центральный человек. У нее много детей и прекрасный муж, но по ночам она шлет смски, куда нам всем ехать. Это совершенно удивительный человек. Спасибо большое. Спасибо волонтерам. У нас очень хорошие волонтерские отряды. Конференция для них — вторичная работа. Это молодые люди, которые работают с очень сложными детьми. Это ребята, которые специально учатся. Спасибо вам большое. Очень рады, что вы были с нами здесь.